

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

~~~~~
КНИГА ПЕРВАЯ.

—•—•—•—•—•—•—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

На новое воскресенье, и на апостола Θому ¹⁾.

Спѣшу отдать оставшійся долгъ. Хотя и бѣденъ я, но вы- 9.7
нуждаюсь вашею признательностію. Обѣщаль я показать невѣрие
Θомы,—и я здѣсь, чтобы отдать вамъ этотъ (долгъ), потому что
готовъ уплачивать прежде всего свой первый долгъ, чтобы ско-
пляющіеся проценты не возобладали надо мною. Итакъ, посодѣй-
ствуйте мнѣ въ уплатѣ долга: помолитесь Θомѣ, чтобы онъ, по-
ложивъ свою святую правую руку, коснувшуюся Владычняго
бока, на мои уста, укрѣпилъ мой языкъ для изложенія жела-
тельнаго вамъ. А я, дерзая на ходатайство апостола и мученика
Θомы, (буду) проповѣдывать прежде объ его сомнѣніи, и потомъ
исповѣданіи, опорѣ нашей Церкви и основаніи. Когда, при замк-
нутыхъ дверяхъ, Спаситель вошелъ къ Своимъ ученикамъ, и
опять вышелъ, какъ вошелъ, — отсутствовалъ только Θома (Іоан.

---

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ шесть бесѣдъ, различной величины, которыя у Миня
называются *Spuria* (отвергнутое), или *Nóθa* (побочное).

ленное,—у Тебя слово, острѣе желѣза,—у Тебя изреченіе, сильнѣе огня,—у Тебя мановеніе, удобнѣе врачества. Какъ міроустроитель, Ты безъ труда освящаешь твореніе,—какъ создатель, безъ усилія перестраиваешь созданія. Ты очистилъ отъ проказы, какъ пожелалъ, Ты сдѣлалъ хромыхъ быстрыми, Ты сдѣлалъ, что разслабленные носятъ свои постели, Ты повелѣлъ слѣпымъ отъ рожденія смыть съ себя мракъ, Ты изгналъ демоновъ изъ Своихъ твореній, Ты удержанъ былъ врагами по желанію, Ты по желанію потерпѣлъ по плоти все отъ іудеевъ изъ-за меня, *Господь мой и Богъ мой*. Я узналъ моего Владыку, узналъ моего ловца и стража, узналъ моего Царя и Господа,—*Господь мой и Богъ мой*. Владыка, вѣрую въ Твое домоправленіе, вѣрую въ Твое снисхожденіе, вѣрую въ Твое принятіе власти надо мною, вѣрую въ Твой покланяемый крестъ, вѣрую въ Твои страданія по плоти, вѣрую въ Твою тридневную смерть, вѣрую въ Твое воскресеніе; не буду, наконецъ, больше любознательнымъ; вѣрую, и болѣе не буду отдавать отчета; вѣрую, и болѣе не буду взвѣшивать; вѣрую, и болѣе не буду старательно изслѣдывать; вѣрю своимъ глазамъ, вѣрю своей правой рукѣ. Я научился, что ненужно отдавать отчета въ (томъ), что я увидѣлъ; научился не спорить, поклоняться (тому), что я осязалъ; знаю одного Господа и Бога, Владыку Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, Амиѣн.

На святого Стефана, I.

929 Славныхъ борцовъ возвеличиваетъ память о совершенныхъ
ими подвигахъ; пусть и наше слово, насколько возможно, укра-
930 шаетъ ихъ, когда мы, прославляя ихъ, проповѣдуемъ объ ихъ
преуспѣяніяхъ; воспоминаніе объ ихъ добродѣтели (есть) доста-
931 точное воспитаніе нашего нрава. Итакъ, сдѣлаемъ прежде всѣхъ
открывшаго ристалище благочестія, и прежде всѣхъ начавшаго
упражненія борцовъ—началомъ для похвалъ Владычнихъ борцовъ.
Его помазала благодать Духа, а научилъ борьбѣ небесный учредитель подвиговъ,—когда не тѣломъ онъ сражался, не руки прости-
ралъ для состязанія, но изощрялъ языкъ противъ воюющихъ
руками. Итакъ, посмотримъ (на) борца, какъ онъ явился во всемъ
подражателемъ Владыкѣ; у него были тѣ же самые противники,
державшіе и противъ него; спасительное страданіе не насытило,
однако, ихъ кровожадности, но недавно пролившіе Владычнюю
кровь жаждутъ еще крови и совершившіе Владычнее убійство

одинаково думаютъ противъ рабовъ. Итакъ, представимъ себѣ въ словѣ испытаннаго борца. И во вѣдѣнныхъ состязаніяхъ, когда обсуждаются увѣнчиваемые, обычно вводятъ на борьбу избранныхъ и лучшихъ, чтобы изъ состязающихся самый испытанный, въ отношеніи силы, былъ объявленъ увѣнчаннымъ. А здѣсь говори: самый первый изъ передовыхъ борцовъ, необоримая крѣпость благочестія, — кто скажетъ все это въ отношеніи его, не погрѣшитъ, — онъ, по собственнымъ трудамъ, сдѣлался наставникомъ подвизавшихся послѣ него и, восхитивъ первымъ вѣнецъ, показалъ и поспѣвающимъ, что враги, цѣлящіеся только въ тѣло, а оставляющіе душу невредимою, легко одолимы, — потому что Онъ говоритъ: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (Мѣ. х, 28). Помня объ этомъ божественномъ гласѣ, умащающемъ его для борьбы, такъ борецъ приготовился къ состязаніямъ, и, языкомъ поражая побивающихъ его тѣло камнями, онъ показался словами сильнѣе ихъ ударовъ; и принимать онъ тѣломъ раны отъ камней, а еще сильнѣе словами поражалъ повергавшихъ (камни), и возбуждалъ противъ себя борьбу, чтобы они приготовили для него торжественное шествіе на небо весьма краткимъ. Подумай также о разности ударовъ: они забрасывали тѣло камнями, а онъ цѣдилъ въ ихъ сердца словами, доставляемыми ему Духомъ: никто не могъ, говорится, *противустати премудрости и Духу, имже глаголаше* (Дѣян. vi, 10). О, языкъ самой звонкой трубы! О, несокрушимая душа, тверже всякаго алмаза! Онъ видѣлъ іудейскій народъ, скопившійся противъ борца, и смотрѣлъ какъ бы на нѣкую тѣнь, — такъ онъ презиралъ присутствующихъ, — и радовался, принимая тѣломъ тучи камней, — ему устраивалась изъ камней какъ бы нѣкая башня, чтобы достигнуть чрезъ нее неба. Итакъ, что можетъ быть сильнѣе той разумной скалы? Что можно видѣть тверже этого столба Церкви? Въ его непоколебимости спасла вѣра; опираясь какъ бы на нѣкоторыя твердѣйшія опоры, онъ оставался такъ невредимымъ, когда по тѣлу испещрялся ранами, по душѣ украшался твердостью и съ самымъ небомъ соревновалъ собственною красотою. Какъ оно показывается весьма красивымъ, расцвѣченное хоромъ звѣздъ, такъ и тотъ дивный борецъ, имѣя Владычній хитонъ, украшался ранами, какъ одѣвшийся въ испещренныя одежды, и радовался, нося на тѣлѣ язвы Господа, какъ Владычніе знаки. Не камни окружали борца, но, какъ бы нѣкое высокое дерево, коренящееся въ землѣ, — такимъ, не сгибаясь, сохранялъ онъ себя, принимая метанія камней и не падая. Къ нему можетъ, конечно, подходить то пророческое изреченіе, что *праведникъ яко финикъ процвететъ* (Псал. xci, 13). Его тѣло обогрѣлось и обливалось кровавыми по-

032 токами, непрерывно принимая волны камней, тѣмъ болѣе дѣлаясь твердымъ, какъ камень, вѣроу. Онъ смотрѣлъ на небеснаго учредителя подвиговъ, простирающаго Свою руку къ Своимъ борцамъ и влекушаго ихъ на небо, гдѣ сохраняются награды за подвиги, гдѣ бываетъ объявленіе вѣнцовъ, и восклицалъ, можетъ быть, подобно Павлу: *тако теку, не яко безвѣстно: тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. ix, 26); меня поражаютъ, и я раню словами. Вспомните, говоритъ, вашихъ отцовъ, побивавшихъ пророковъ камнями: *кого, говоритъ, не изгнаша отцы ваши* (Дѣян. vii, 52)? Вы, поревновавъ безумію ихъ—наслѣдники злого наслѣдованія; и вы, какъ ваши отцы: вы приняли отеческую запятнанность убійствомъ. Это слова вѣнца Церквей, таковы противъ враговъ стрѣлы увѣнчаннаго; и какъ кто-нибудь поднимаетъ пламень въ лѣсу, такъ и первомученикъ еще больше раздражалъ противъ себя безуміе тѣхъ. Онъ видѣлъ желаемого, и желалъ созерцаемаго, и говорилъ, можетъ быть, имъ нѣчто такое: вы цѣлитесь во внѣшнюю одежду, и на тѣло мечете камни; но вы, повидимому, забыли, что именно мое желаніе исполняете вы. Я и самъ, даже раньше Павла, спѣшу снять съ себя внѣшняго человѣка, чтобы достигнуть неба обнаженною душою и, переправившись чрезъ воздушное море, царствовать вмѣстѣ съ Владыкою. Только это плаваніе не имѣетъ кораблекрушенія, это путешествіе по морю спасаетъ плывущихъ безъ бури; мой корабль безопасно плыветъ; у меня есть небесный кормчіи, направляющій Своимъ мыслимымъ рулемъ. Обагрите мнѣ тѣло рапами; отцы ваши, какъ и вы, обагрили также кровью хитонъ Іосифа. Имъ постоянно надлежитъ говорить себѣ сказанное мученикомъ. Вы подражали имъ, оставившимъ вамъ злое наслѣдство; но и они, продавъ Іосифа, ошиблись въ надеждѣ,—и (вы), побивая камнями тѣлесный храмъ, выстроите твердый храмъ, еще прекраснѣе; (это) помогаетъ мнѣ видѣть преддверіе его; онъ утверждается отъ земли до неба. Таковы слова приличныя для Стефана, выступившаго на подвигъ раньше избранныхъ апостоловъ, и достигшаго цѣли мученичества быстрымъ теченіемъ, подвизавшагося на землѣ, и объявленнаго побѣдителемъ на небѣ,—того, который побѣждалъ враговъ, шумно говорящихъ, а за бросающихъ камни молился, и въ этомъ подражалъ Владыкѣ, и говорилъ учредителю подвиговъ: *Господи Іисусе Христе, прими духъ мой* (Дѣян. vii, 59). Законченъ, говоритъ, мой подвигъ; прими на небѣ увѣнчаннаго, прими борца, Судія подвиговъ; стремлюсь къ вѣнцу, и спѣшу получить свою награду за подвигъ здѣсь. Настолько усладилъ насъ первомученикъ, явившійся отличнымъ и въ словѣ, и борьбѣ, — (онъ) вершина мучениковъ, вѣнецъ Церквей,—когда спѣшилъ прилти

къ Владыкѣ, и послѣдовалъ зовущему на небѣ тѣмъ божественнымъ голосомъ: *идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ* (Іоан. XII, 26). *Горня мудрствуйте*, говоритъ (апостолъ), *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 2, 1). Онъ желалъ того царскаго престола, стремился къ тѣмъ наградамъ небснаго призванія, желалъ тѣхъ царскихъ даровъ, распредѣляемыхъ небснымъ Царемъ между собственными Его подвижниками. Итакъ, какого слова можетъ быть достаточно, чтобы, по достоинству, словомъ возвеличить такого и такъ великаго борца, проповѣдуемаго его дѣлами, и оставившаго, какъ бы столбъ, неисчерпаемую память о своихъ собственныхъ преуспѣваніяхъ? Поревнуемъ его любви, будемъ подражать его добродѣтели, чтобы и намъ насладиться сохраняемыхъ вѣнцовъ, благодатию едиnorodнаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого Стефана, II.

Внѣшніе, желая плестъ вѣнки для мужей, стараются собирать розы, лиліи и остальные цвѣты земли; таковъ законъ сплетателей земныхъ вѣнковъ. А мы, приготавливая вѣнокъ блаженному Стефану, пожнемъ духовные цвѣты у самого Стефана, чтобы сплести на голову Стефана вѣнокъ благодатей. Блаженный Стефанъ есть лугъ, исполненный всякаго благоуханія, орошаемый кровію Христа, помазуемый Святымъ Духомъ и облагоухающій все собою. Вотъ память Стефана, и все исполнено освященія: небо, принимая духъ,—земля, принимая въ себя тѣло,—воздухъ и все вмѣстѣ исполнены мира благоуханія. А мы имѣемъ въ немъ, ходатаѣ за насъ, красоту Церкви, борца благочестія, Христова ученика, обличеніе іудеевъ, вождя мучениковъ, заступника вдовъ, кормильца голодающихъ, помощника изнуряемыхъ работою, стража святого Христова города, вѣнецъ прекрасныхъ діаконъ, столбъ Церкви, украшеніе мучениковъ, похвалу вселенной, основаніе Церкви; (онъ)—стражъ нашихъ душъ,—онъ молился за преслѣдующихъ и защищалъ побиваемыхъ камнями, и потому прославилъ свое лицо ангельскою благодатию: *вси*, говорится, *сѣдѣвши въ сонмищи видѣша лице его яко лице ангела* (Дѣян. VI, 15). Увѣнчаемъ теперь борца Стефана, первоборца Христова, и усыплемъ (его) цвѣтами словъ. Итакъ, онъ былъ украшеніемъ хора апостоловъ, и считался между учениками благочестія; кротостію превосходилъ всѣхъ людей и былъ выдающимся челоуѣколюбцемъ;

онъ терзался не такъ своими трудами, какъ чужими, нужду ближняго считалъ своею, и исцѣлялъ страданіе, присущее другому, какъ присущее самому. Во время первой проповѣди слова, когда вѣра роскошно цвѣла, и богатые тотчасъ слагали съ себя бремя денегъ, а бѣдные получали этотъ излишекъ, — Стефанъ былъ домоправителемъ такого прекраснаго согласія и порядка, и въ немъ бѣдность имѣла заступника и помощника, а богатый руководителя. На немъ почивала сила Духа, и для благодати этотъ человѣкъ былъ собственнымъ домомъ. Воспоемъ и мы, возлюбленные, съ первомученикомъ Стефаномъ, награждающаго вѣщими, свягую и единосущную Троицу, такъ какъ Ей прилична слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого Стефана, III.

932 Многи и удивительны побѣдные знаки блаженнаго Стефана: и даже смерть не отвлекла его отъ благочестиваго соратничества. При жизни, онъ боролся съ іудеями, — также и по смерти вооружается противъ еретиковъ, имѣя непреодолимымъ оружіемъ вѣру Троицы. И смотри (на) тогдашнія полчища враговъ, и изумись мужеству воина. Александрійцы врывались, либертинцы стрѣляли, киликіяне и асііцы вели осаду, схватывали въ синагогѣ, нанимали лжесвидѣтелей, приготовляли груды камней, — какъ львы, скрежетали противъ него зубами; однако, этотъ воинъ побѣждалъ, вооружившись мудростію и духомъ, ослѣпляя смотрящихъ свѣтомъ своего образа, и обезсиливая богоборцевъ словами. Но видѣлъ ли ты толпы своихъ враговъ? Смотри, также (на) божественную помощь: Онъ открылъ своды неба, показывая борцу награды за подвигъ; лицо украшалось ангельскимъ видомъ; тучи камней онъ отражалъ отъ себя тучами словъ; одни бросали, другіе носили и давали Стефану вѣнецъ. Смотри и (на) теперешнее, и увидишь сродство побѣдныхъ знаковъ. Тогда защищалъ надававшій голосъ съ креста, и теперь Стефанъ — вѣнецъ Церкви: онъ первый поправилъ жало смерти. Въ царскихъ дворцахъ вѣнецъ: его ввела въ чертогъ Царица и Дѣва; у начальниковъ вѣнецъ: (страннопріимство его) сдѣлало отцомъ сына страннопріимнаго царя; въ нищелюбіи вѣнецъ: онъ былъ богатъ для вдовъ и сиротъ, и вѣрный домоправитель; противъ іудеевъ вѣнецъ: онъ 934 обличилъ синагогу, прелюбодѣйствовавшую съ идолами; противъ еретиковъ вѣнецъ: онъ заградилъ уста богоборныхъ, восклицая: великъ Господь нашъ. Великъ: не подлежитъ мѣрѣ языка; великъ:

превосходить воображеніе мысли; великъ: особенность Его божественной природы—неописуемость; великъ: безначально возсіялъ изъ нѣдръ Отчихъ; великъ: безстрастно родился, какъ Слово; великъ: божественное рожденіе не раздѣлило сущности; великъ: на престолѣ сидитъ, и не былъ повергнутъ на подножіе; великъ: каковъ корень, такова и вѣтвь; великъ: видѣвшій Сына видѣлъ Отца; великъ: нѣтъ ничего въ Троицѣ неравнаго; великъ: возродилъ водою многихъ; великъ: будучи видимъ, не старѣется; великъ: не имѣлъ малаго Отца. Итакъ, великъ Господь Сынъ, хотя бы для сосѣдей не казался (такимъ). Сынъ (есть) Вседержитель: все произошло чрезъ Него; Сынъ — безначальный Царь: Царь пашъ прежде вѣка; Сынъ—единосущный Отцу: *азъ бо отъ Бога изидохъ, и приидохъ* (Іоан. viii, 42); Сынъ — свѣтъ истинный: *азъ смь свѣтъ міру* (ст. 12). Зачѣмъ мнѣ много говорить? Воплотившійся отъ Дѣвы Сынъ Божій, и пасущій Церковь, какъ свидѣтельствуешь пророкъ, говоря: *да посылитъ Господь Богъ Вседержитель стадо свое* (Зах. x, 8), (есть) Богъ и Вседержитель; Ему слава и держава, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пятидесятницу.

Свѣтель всякій день, приносящій солнечный лучъ, и одѣв- 933
 шійся въ общій свѣтъ: такъ Владыка, украсившій твореніе, представилъ (его) для насъ; но еще больше радости въ торжественномъ и всепраздничномъ днѣ праздника, когда онъ почтенъ словомъ и служеніемъ Богу. Онъ, выражая съ цвѣтомъ природы и красоту благочестія, обнаруживаетъ двойное благолѣпіе. Таковъ и сегодняшній праздникъ, освѣщающій чувственные глаза тѣла, но просвѣщающій лучами слова мысленныя очи духа. Сегодняшній день есть одинъ изъ трехъ знаменитыхъ (дней), проповѣдуемыхъ въ законѣ и воспѣваемыхъ по евангельской благодати. По ветхому завѣту, въ этотъ день былъ данъ законъ,—по новой благодати, въ этотъ (день) было дано посѣщеніе Духа; въ этотъ день Моисей принялъ скрижали закона,—въ этотъ день хоръ апостоловъ принялъ сошествіе Духа, вмѣсто скрижалей, данныхъ чрезъ Моисея. Блаженный Павелъ говорить, пиша въ посланіи къ Коринѳянамъ: *посланіе наше вы есте, написанное не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотныхъ* (2 Кор. iii, 2, 3).

Изслѣдуйте же, истинно ли въ этотъ день данъ былъ законъ? Въ ветхомъ завѣтѣ неясно было записано, что законъ былъ данъ въ пятидесятый день: по сокровище знанія открывается испытывающимъ божественныя письма. Итакъ, посмотримъ какой (былъ) 934 день, когда былъ данъ законъ. Блаженный Моисей — тщательно вникайте—говоритъ: *мѣсяца третяго по исшествіи ихъ отъ земли Египетскія, рече Господь Моисею: соидеи засвидѣтельствуйи людемъ, и очистятъ самихъ себя днесъ и утрѣ, и въ третій день Я буду видимъ* (Исх. xix, 1, 10, 11). Тщательно вникайте. Выходъ изъ Египта въ первый мѣсяцъ: четырнадцатый день былъ перваго мѣсяца. Считай: четырнадцатый день, послѣ него также дни, дополняющіе этотъ мѣсяцъ, то есть, семнадцать, и тридцать (дней) второго. И въ сорокъ восьмой день второго мѣсяца Богъ говорилъ: *засвидѣтельствуйи людемъ днесъ и утрѣ, и въ третій день мѣсяца Я буду видимъ*. Итакъ, тридцать второго, а семнадцать перваго и три третьяго. И замѣтъ согласіе въ дѣлахъ. Когда на горѣ Синаѣ былъ видимъ Богъ,—Онъ былъ видимъ, какъ огонь, горящій; когда Духъ Святой явился апостоламъ,—явился въ видѣ огня: были раздѣлены языки яко огненни, и спде на единомъ коемуждо ихъ (Дѣян. п, 3). И какъ, братіе, во время явленія Бога въ ветхомъ завѣтѣ, было много сопутствующаго страха,—окружали гору и мракъ, и буря, и труба, и громъ,—чтобы привести народъ въ страхъ предъ Законодателемъ, такъ и тогда, когда имѣлъ прибыть Святой Духъ,—чтобы немедленное пришествіе не застало въ нерадѣніи принимающихъ, 935 но чтобы они узнали прибывающее въ славѣ достоинство Духа,—какъ на горѣ предшествовали мракъ и буря, такъ было и относительно Духа: *егда скончавашася дніе пятидесятницы, бысть шумъ яко носиму дыханію бурю* (ст. 1, 2); и тогда былъ видѣнъ Духъ Святой, и онъ поколебалъ домъ,—(Духъ), не по Своей природѣ раздѣляемый, но раздѣляющій Свои дѣйствія. Не Духъ дѣлится. но Онъ дѣлитъ дарованія, какъ свидѣтельствуєтъ Павелъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ* (1 Кор. xii, 11); раздѣляя, не раздѣляясь,—подѣляя, не подѣляясь,—неограниченно управляя, не подлежа управленію. И какую честь неограниченной власти придавъ Павелъ Отцу: *тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во естъхъ* (ст. 6), — тѣ же самыя слова онъ сказалъ и въ отношеніи Духа, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*. Но Духъ Святой былъ названъ утѣшителемъ; почему иному, если не потому, что онъ утѣшаетъ людей, то есть, ободряетъ? Въ Писаніи найдешь эту особенность: апостоль называетъ ободреніе утѣшеніемъ. Утѣшаетъ не какъ второй послѣ Бога, но какъ Богъ: утѣшеніе — свойство Божіе; чтобы ты не оскорблялъ названіе утѣшителя, апостоль говоритъ:

100 Христѣ молимъ, яко Богу молящу ¹⁾ нами (2 Кор. v, 20). И, чтобы, братіе, Павелъ не былъ сочтенъ, будто, вводя утѣшающаго людей Бога, онъ вноситъ новостъ въ догматы,—прими доказательство изъ ветхаго свидѣтельства. Пророкъ Исаія говоритъ Іерусалиму: *утѣшишь ты нарскій тебе* (Варух. iv, 30). Итакъ, подумай: утѣшаетъ тебя Отецъ, утѣшаетъ Сынъ, —потому что говоритъ (Исаія): *Духъ Господень на мнѣ, сегоже ради помаза мя, благовѣстити ницѣмъ посла мя, утѣшити ося плачущія* (Иса. lxi, 1, 2). При другомъ случаѣ и Спаситель, желая показать равночестную славу Духа, говоритъ: *еще иду, иного утѣшителя пошлю* (Іоан. xvi, 7); Онъ не могъ бы быть инымъ, если бы другой не стоялъ впереди. Итакъ, Духъ Святой является въ видѣ огненныхъ языковъ. Почему языковъ? Для пользы проповѣди. Такъ какъ апостолы, для наполненія предѣловъ вселенной проповѣдью, въ которой имѣлъ дѣйствовать Духъ Святой, нуждались въ языкѣ, то это изображается наружно, примѣнительно къ дару. Кромѣ того, и по древнему основанію. Такъ какъ тогда великаны боролись противъ Бога, и замыслили устроить башню, то Богъ раздѣлилъ худое согласіе, пославъ языки; посылаетъ и теперь дѣйствія языковъ, чтобы раздѣленную вселенную объединить. И удивительное было дѣло: языки подѣлили вселенную; языки объединили вселенную, языки вслѣдствіе проповѣди. Но почему огненные? Такъ какъ нечестіе, распространившееся на подобіе лѣса, держало въ своей власти весь міръ, связавъ какъ терніемъ, то Онъ посылаетъ огненные языки, уничтожающіе терніе нечестія. Самъ Онъ говоритъ: *огонь придохъ возрещи на землю* (Лук. xii, 49),—огонь не уничтожающій, потому что огонь Божій не жжетъ, но освящаетъ. Потому одинъ изъ херувимовъ былъ посланъ къ Исаіи съ огненнымъ углемъ съ жертвенника,—и, когда онъ положилъ на уста его, говоритъ ему: *се я удалилъ беззаконія твоя и грѣхи твоя* (Иса. vi, 7). Итакъ, величественно празднуя этотъ праздникъ пришествія Святого Духа, будемъ возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу. Почти пришествіе Духа; а пришествіе Духа чествуется отпущеніемъ грѣховъ. Гдѣ Святой Духъ, тамъ прощеніе, потому что Господь говоритъ: *примите Духъ святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ* (Іоан. xx, 23). Святой Духъ проповѣдуется (какъ) освобождающій; такъ, Отецъ освобождаетъ, Сынъ освобождаетъ, Святой Духъ освобождаетъ; а рабъ не можетъ доставлять свободу: чего не имѣетъ, не дарить. Потому, чтобы ты зналъ новую свободу Сына и Духа,—Спаситель говоритъ о Себѣ самомъ:

¹⁾ Слав. *молящу* не выражаетъ мысли проповѣдника; нужно бы *утѣшающе*—*κατακαλυπτος*.

если Сынъ васъ не освободить, вы рабы (Іоан. vш, 36). Онъ предоставилъ свободу самому Себѣ. Опять Павелъ говоритъ: такъ взираемъ, *якоже отъ Господня Духа: Господь бо Духъ есть: идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. ш, 18, 17). Иногда Онъ называется Духомъ Святымъ, иногда Духомъ Сына, иногда Духомъ Отца, когда не въ сліяніи проповѣдуется, но объясняется въ неразрывности отъ божественнаго существа. Сынъ называетъ самого Духа Отчимъ: *не пецѣтесе, говорить, что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца* (Мѣ. х, 19, 20). Сынъ называетъ Духа Отчимъ; Павелъ называетъ Духа Сыновнимъ, потому что онъ говоритъ такъ: *понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша, вопіюща, Авва Отче* (Гал. iv, 6). Духъ также животворить, потому что (Господь) говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живить, тако и Сынъ, ижеже хощетъ живить* (Іоан. v, 21). Видишь ли, что Отецъ и Сынъ животворятъ,—по смотри опять, что и апостолъ, или лучше, самъ Спаситель чрезъ него говоритъ: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (Іоан. vi, 63). Скажу еще короче. Церковныя рукоположенія приписываются Павломъ то Отцу, то Сыну, то Духу; такъ, когда онъ говоритъ объ Отцѣ, рукополагающемъ въ церковныя достоинства,—выражается: *положи Богъ въ церкви перше апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. хп, 28), и прочее. Здѣсь онъ приписалъ рукоположенія Отцу, такъ какъ Онъ даетъ власть и поставляетъ. Опять, тотъ же самый Павелъ приписываетъ (это) въ другомъ мѣстѣ Сыну, потому что говоритъ: *символь, той есть и возшедый превыше всего небесъ, да исполнитъ вселенская: и той данъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учителя* (Еф. iv, 10, 11). Обрати вниманіе въ этомъ словѣ на Его неограниченную власть. Не сказалъ: и Онъ служилъ, но—*данъ есть по собственной неограниченной власти*, не по раздѣленной и отдѣленной царской власти Отца,—потому что чего желаетъ Отецъ, желаетъ и Сынъ, и чего желаетъ Сынъ, то одобряетъ и Отецъ. Итакъ, что онъ приписалъ Отцу и Сыну—рукоположенія,—это онъ самъ опять относитъ къ Святому Духу, призывая къ себѣ ефесскихъ пресвитеровъ, и говоря имъ (Павелъ, сказавшій то, говоритъ и это): *внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ святой постави епископы пасти церковь* (Дѣян. хх, 28). Смотри на сходство въ словѣ. Не сказалъ онъ объ Отцѣ: *положи*, а о Духѣ: *назначилъ*, но (воспользовался) тѣмъ же самымъ изреченіемъ: *положи Богъ и Отецъ въ церкви, положи Духъ Святой въ Церкви* ¹⁾. Законополагаетъ Отецъ въ

¹⁾ Слав. текстъ этого сходства не выдерживаетъ: въ 1 Кор. хп, 28 *положи*, въ Дѣян. хх, 28 *постави*. Между тѣмъ по греч. тексту оба раза: *ἵστατο*.

Церкви; Отецъ законополагаетъ, какъ Царь вѣковъ, о которомъ Давидъ говоритъ: *егда сотвориши волю твою Боже мой восхотѣхъ, и законъ твой посреди сердца моего* (Псал. ххix, 9). Итакъ, Отецъ законополагаетъ, Сынъ законополагаетъ. Слушай Павла, говорящаго: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. vi, 2). Онъ показалъ Отца законодателемъ, показалъ Сына законодателемъ; онъ самъ, дающій достоинство законодательства также Святому Духу,—или лучше, не дающій, но возвращающій, — говоритъ: *законъ бо Духа жизни о Христѣ Иисусѣ свободилъ мя есть* (Рим. viii, 2); не потому, что три законодателя; одинъ законъ и одинъ законодатель; одинъ Богъ, хотя и проповѣдуется въ трехъ лицахъ. Говорятъ: какъ можетъ Отецъ называться Богомъ, и Сынъ Богомъ, и Духъ Святой Богомъ, и не три Бога? Гдѣ общеніе по природѣ, (тамъ) общи также имена достоинства. Такъ, Богъ называется раздѣленное на множество однимъ именемъ, по одной природѣ; и когда гнѣвается на людей, называетъ все человѣчество, подлежащее гнѣву, однимъ человѣкомъ; и когда обращается къ міру, бесѣдуетъ какъ бы съ однимъ человѣкомъ. Такъ, Богъ наводитъ потопъ за грѣхъ, и говоритъ: *не имать Духъ мой пребывать въ челоуѣцѣхъ сихъ. Погреблю челоуѣка, егже сотвори хъ* (Быт. vi, 3, 7). Хотя онъ не былъ однимъ, но (было) безчисленное множество, (однако) назвалъ всѣхъ какъ одного, по имени природы,—весь міръ, какъ одного челоуѣка, по общности существа. *Что есть челоуѣкъ, яко помниши его, или сынъ челоуѣчъ, яко постыжаеши его* (Псал. viii, 5)? говоритъ Давидъ, не потому, что онъ воззрѣлъ на одного, — онъ собралъ всю вселенную. Воспользуюсь однимъ краткимъ словомъ, сказаннымъ Моисеемъ (по поводу того), что фараонъ вошелъ въ море, и подвергся мщенію, по божественному закону. Фараонъ погибаетъ въ морѣ со множествомъ колесницъ, и было много потопленныхъ людей и много коней. А Моисей, зная, что одна природа всѣхъ людей, говоритъ: *поимъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника оверже въ море* (Исх. xv, 1). Онъ назвалъ множество людей однимъ челоуѣкомъ—всадникомъ, по общности сущности. Итакъ, если въ людяхъ, гдѣ знаніе въ смѣшеніи, гдѣ наружные виды различны, нѣтъ единства, ни одинаковаго духа, но различны языки, различенъ разумъ—вся вселенная, по общности природы, называется однимъ челоуѣкомъ, (то) называю Троицу однимъ Богомъ, гдѣ достоинство нераздѣльно, одна царская власть, одна своеобразная сила. Если говорю: Богъ, Богъ и Богъ,—трехъ ли называю Боговъ? Если скажу: Господь, Господь и Господь,—трехъ ли называю Господовъ? Никакъ нѣтъ. Апостолъ называетъ Отца Господомъ, Сына Господомъ, и Духа Свя-

того Господомъ,—какъ и Давидъ: *рече Господь Господеву моему: сяди одесную мене* (Псал. сѣх, 1). А если: *Господь Господеву*, (то) апостолъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. ш, 17). Итакъ, если Отецъ Господь, и Сынъ Господь, и Духъ Господь,—какъ ты, апостолъ, законодатель истины, защитникъ благочестія, восклицаешь, говоря ефесянамъ: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Еф. ів, 5)? *Единъ Господь*, по славословію серафимовъ, потому что и они взываютъ: *святъ, святъ, святъ Господь* (Иса. ѳ, 3). А если еретики упорно настаиваютъ, что иное господство Отца, и иное Сына, — удивляюсь, какъ они могутъ быть рабами двумъ господамъ,—вѣдь это голосъ Спасителя: *никтоже можетъ двѣма господинама работати* (Мѣ. ѳ, 24). Если раздѣляешь господство, какъ служишь рабомъ для царской власти? Невозможно одинаково служить двумъ достоинствамъ, если нѣтъ равночестности, потому что никто не поклоняется царю и начальнику. Гдѣ достоинство равночестно, равночестно также поклоненіе. Нѣтъ борьбы, при равномъ достоинствѣ; неравенство возбуждаетъ борьбу; равенство управляетъ миромъ. Христосъ не позволилъ тебѣ раздѣлять честь, потому что Онъ говоритъ: въ этомъ *есть воля Отца, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. ѳ, 39; ѳ, 23). Почитай Отца, чтобы тебѣ чествовать Сына, или лучше, почитай Сына, чтобы тебѣ чествовать Отца. Отецъ Себѣ усволяетъ честь Сына; Сынъ Себѣ усволяетъ честь Отца, потому что Спаситель говоритъ: *ненавидѣя мене, и Отца моего ненавидитъ* (Іоан. хѳ, 23). Итакъ, пусть еретики не думаютъ, что они сколько-нибудь угождаютъ Богу, называя Его великимъ по сравненію съ Сыномъ; Отецъ не принимаетъ этой возносимой къ Нему чести, когда Сынъ оскорбляется.

Прими, въ самомъ дѣлѣ, ясное доказательство изъ ветхаго писанія. Друзья Іова, пришедши для утѣшенія, обвиняли его за смѣлость рѣчи, и оправдывали Бога. А Іовъ говорилъ Богу: кто поставитъ судью между мною и Тобою, и буду знать, сколь велики мои грѣхи, что Ты такъ осудилъ меня? Друзья Іова оправдывали Бога, когда имъ было неизвѣстно основаніе (дѣла), и скорѣе праведника, какъ согрѣшившаго, осудили, а Бога, какъ поражающаго, защищали. И говорятъ ему: *велики ты говорилъ съ избыткомъ, выше мѣры возглаголалъ еси, и еда Богъ возьметъ правду* (Іов. хѳ, 11; ѳш, 3)? Онъ поразилъ (тебя) по грѣхамъ твоимъ; если бы не было много грѣховъ у тебя, ты не подвергся бы наказанію. Имъ также казалось, что они Бога защищаютъ,—но осудили праведника. Принялъ ли Богъ говорившихъ за Него вопреки правдѣ? Если бы Онъ принялъ защиту въ Его пользу, когда праведникъ безчестился, — принималъ бы и эту честь въ отношеніи Себя, когда Сынъ безчестится. Слушай, что Господь

говорить друзьямъ Іова: зачѣмъ не *лаголасте истины на раба моего* (Іов. хлп, 8)? Если Онъ отвергаетъ отъ Себя неговорившихъ истинны противъ раба, принимаетъ ли изощряющаго свой языкъ противъ Единороднаго? Да не будетъ. Итакъ, неотразимо наказаніе для злословящихъ Святого Духа. Слушай, что говоритъ Спаситель: *всякая хула отпущится человеку: а яже на Святого Духа хула, не отпущится, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мѣ. хлп, 31, 32). Къ чему нужны заключенія о рожденныхъ и нерожденныхъ, созданныхъ и не созданныхъ? Слово ереси остро, сверхъ изощренной бритвы. Но и бритва, хотя бы много и сильно была изощрена, можетъ сбривать волосы, а не сѣчь дерево; слово же истины не есть бритва, но сѣкира. Потому, Іоаннъ Креститель говоритъ: *вотъ сѣкира при корени древа лежитъ* (Мѣ. ш, 10). Не сказалъ: бритва,—потому что слово Божіе не есть гладкое, противъ выглаживающихъ свою суету рѣчью совнѣ,—но—сѣкира, посѣкающая гордость хвастуновъ, какъ свидѣтельствуешь Іоаннъ, говоря: *уже и сѣкира при корени древа лежитъ*. Сборище гонящихъ коварство и сплетающихъ ереси есть бритва, какъ говоритъ Давидъ Саулу: *что хвалишия во злобѣ силне беззаконіемъ? Цѣлый день неправду умысли языкъ твой, яко бритву изощрену сотворилъ еси леств* (Псал. л, 3, 4). Отецъ законополагаетъ, Сынъ повелѣваетъ. Духъ самовластно правитъ. Слушай Бога, говорящаго: *благовѣствующіе придуть, ижеже Господь призва* (Іоил. п. 32). Прошу тебя: выслушай, чтобы узнать согласіе истины. Мы не сражаемся заключеніями, но слѣдуемъ Писанію. Желаемъ быть рабами Писанія, не поработать Писанію нашимъ заключеніямъ. Вѣра не принимаетъ заключеній, не потому что они безразсудны, но потому что она превосходитъ всякое размышленіе. Павелъ, чтобы показать тебѣ, что вѣра вооружается противъ размышленій, говоритъ: *оружія бо наши не плотская, но сила Богомъ на разореніе твердежъ, помышленія низлагающе и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. х, 4, 5). Но если и часто беззаконникъ побѣждаетъ разсужденіемъ,—не изумляйся, потому что Давидъ говоритъ: *слова беззаконникъ премогаша насъ* (Псал. хлв, 4). И Отецъ посылаетъ апостоловъ, и Сынъ посылаетъ, и Святой Духъ посылаетъ. Спаситель говоритъ апостоламъ: *вотъ я посылаю васъ въ міръ: шедше научите вся языки* (Мѣ. ххvш, 19). А въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится: *сія убо послана бывша отъ Духа сята, отидоста отъ Селевкию* (Дѣян. хш, 4). Отецъ призываетъ апостоловъ, Сынъ призываетъ апостоловъ; пророкъ говоритъ: *отъ горы Сионъ придетъ благовѣствующій, и благовѣствующіе, ижеже Господь призва* (Іоил. п, 32). Итакъ, дѣло Божіе — призваніе благовѣствующихъ. Если призваніе—дѣло Божіе, то поэтому Духъ, говорящій

чрезъ пророковъ, сказалъ (также): это говорить *Духъ святой: отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвать ихъ* (Дѣян. хш, 2). Объ этомъ сказано намъ достаточно. Богъ же мира да возраститъ всѣхъ насъ въ вѣрѣ и любви къ Нему, такъ какъ Ему приличны всякая слава, честь и поклоненіе, съ единороднымъ Сыномъ и всесвятымъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О терпѣніи, кончинѣ этого вѣка и второмъ пришествіи, непрерывномъ царствованіи праведныхъ и нескончаемомъ наказаніи грѣшниковъ; основаніе исповѣданія, увѣщаніе къ занятію божественнымъ Писаніемъ, и каковы хитрости врага, и въ чемъ полезно безмолвіе.

- 937 Жизнь праведныхъ блестяща; но какъ она дѣлается блестящею, если не чрезъ терпѣніе? Приобрѣвъ, возлюбилъ его, братъ, какъ мать мужества, потому что и псаломъ увѣщаетъ, говоря: *потерпи Господа, и сохрани путь его* (Псал. хххvi, 34), и Павелъ говоритъ, какъ оно приобретаетъ добродѣтель: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ* (Рим. v, 3). Обращаясь къ нему, найдешь источникъ благъ, надежду: *упованіе же не посрамитъ* (ст. 5). Итакъ, *повинися Господеву, и умоли его*, и найдешь отсюда, что *и дастъ ти про-*
- 938 *шенія сердца твоего* (Псал. хххvi, 7. 4). Что блаженнѣе этого — приобрести себѣ милостивый слухъ такого царя? Кто не пожелаетъ, чтобы слухъ судьи былъ открытъ для него, и повиновался? Братъ, ты—дѣлатель добродѣтели; Христосъ напаялъ тебя въ Свой виноградникъ; пока у тебя удобное время, дѣлай благо. Послушай Павла, говорящаго: *еже бо аще съетъ человекъ, тожеже и пожнетъ* (Гал. vi, 7). Посѣй въ духъ, чтобы пожать тебѣ вѣчную жизнь: *яко съяй въ плоть свою*, говоритъ (апостоль), *отъ плоти пожнетъ истиннѣе* (ст. 8). Слушай прекраснаго увѣщателя, гово-
- 939 *рящаго: съйте себѣ въ правду, соберите плодъ живота* (Ос. x, 12); видя впереди себя надежду, не пренебрегай трудомъ. Гдѣ подвиги, тамъ и награды; гдѣ войны, тамъ и почести; гдѣ борьба, тамъ и вѣнецъ. Смотря на это, приготовляй самого себя чрезъ терпѣніе; всегда взывай къ самому себѣ, восклицая со святыми: *мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Псал. ххvi, 14). Уготовляй на исходъ дѣла твоего, и уготовися на сѣло (Прит. ххiv, 27), потому что жизнь есть это поле. Возьми ветхій завѣтъ: *огради стяжаніе твое терніемъ* (І. Сир. ххviii, 27). Какимъ? Пощеніемъ, моленіемъ, ученіемъ. Если у тебя будетъ ограда, не

встушить звѣрь,—разумѣю діавола. Воздѣлывай свою душу, какъ бы прекрасную виноградную лозу. И какъ стерегущіе виноградники хлопаютъ руками, кричатъ голосомъ, и грохотомъ не допускаютъ злоумышленниковъ, такъ и ты: восклицай моленіемъ, поднимай крикъ псалмопѣніемъ,—и отгонишь коварнаго звѣря, лисицу, которая есть діаволь; о немъ говорило Писаніе: *имите лисы малыя* (Пѣс. Пѣс. II, 15), и прочее. Всегда наблюдай врага: если онъ придетъ, чтобы пронзить твое сердце стрѣлою глупаго пожеланія, и если онъ придетъ повергнуть твою душу въ грязные помыслы, — противоставь щитъ вѣры, одѣнься въ шлемъ надежды, обнажи мечъ Духа, который есть слово Божіе; и, такъ вооружаясь противъ врага, терпи и не будь небреженъ въ борьбѣ, но бодрствуй во всемъ.

Врагъ доставляетъ то просторъ, то скорби. Онъ испытываетъ, куда расположено внутреннее состояніе челоуѣка,—туда и самъ выступаетъ, чтобы бороться, при помощи своего коварства. Потому, братъ мой, непрерывно бодрствуй и всегда усердствуй въ прилежномъ чтеніи, чтобы тебѣ научиться, какъ нужно избѣгать сѣтей врага, и достигнуть вѣчной жизни. Чтеніе божественнаго Писанія ограничиваетъ служащую умъ, и даритъ знаніе о Богѣ, потому что написано: *упразднитеся и разумѣйте, яко азъ есмь Богъ* (Псал. xlv, 11); слышишь ли, братъ, что чистосердечно занимающийся божественнымъ Писаніемъ получаетъ знаніе о Богѣ? Потому, братъ мой, не пренебрегай своей душой, но занимайся чтеніемъ и молитвой, чтобы твой разумъ просвѣтился, и чтобы ты былъ цѣлымъ и невредимымъ, безъ какого-либо недостатка. Иные хвалятся собесѣдованіемъ съ вельможами, начальниками и царями, а ты хвались предъ ангелами Божіими, собесѣдуя со Святымъ Духомъ чрезъ божественное Писаніе, потому что Духъ Святой чрезъ него говоритъ. Старайся читать божественное Писаніе и постоянно пребывать во святой молитвѣ. Сколько разъ будешь съ Богомъ чрезъ него, столько разъ освѣщаются твои тѣло, душа и духъ. Итакъ, зная это, братъ мой, — что когда будешь читать его, освѣщаешься,—тѣмъ чаще старайся читать его; и если руки будутъ несвободны у тебя, молись въ умѣ. Молилась также Анна, мать пророка Самуила: двигала своими губами; молитва ея дошла до слуха Господа Саваога. И просимое ею дано было ей. Потому, братъ мой, если твои руки даже свободны, все же молись умомъ; Господь слушаетъ и немолвныхъ. А если не умѣешь читать, прилежи тамъ, гдѣ можно тебѣ слушать и получать пользу, потому что написано: *аче узриши мужа разума, утренней къ нему, и степени дверей его да претъ нога твоя* (I. Спр. vi, 36). Это помогаетъ, братъ мой, не

только неумѣющимъ читать, но даже умѣющимъ. Многіе читають, и не понимаютъ, что читають. Итакъ, смотри, братъ, не пренебрегай милостью, данною тебѣ по дару Христа; но размышляй и изслѣдывай, какъ можешь угодить Богу, чтобы получить блаженство, — потому что написано: *блаженни испытующіи свидѣнія его, всѣмъ сердцемъ възвѣщуютъ его* (Псал. схѣш, 2). Когда будешь читать, смотри, чтобы тебя не отвлекъ врагъ, панося тебѣ обиду, подвергая тебя испытаніямъ, и говоря: прежде всего сдѣлай вогъ это дѣло, поскольку оно невелико, и тогда беззаботно будешь читать. Когда онъ это подсказываетъ, и заохочиваетъ къ этому дѣлу, — онъ все это внушаетъ, чтобы занятіемъ удержать 940 тебя отъ чтенія и приобрѣтенія пользы. Когда діаволь увидитъ человѣка, читающаго съ напряженіемъ и съ пользою, — онъ нападаетъ этими средствами и многими иными, ища, чтобы препятствовать ему. Итакъ, не довѣрайся ему, но будь какъ бы жаждущій олень, желающій пойти на источники водъ, то есть, къ божественному Писанію, чтобы изъ него пить, — и оно утолитъ твою жажду, сожигающую тебя сильнымъ желаніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ пей отсюда и пользу для себя: такъ говорю, чтобы, когда Господь подаритъ тебѣ пониманіе слова изъ него, — ты не спѣшилъ мимо, но обдумывалъ его въ своемъ умѣ, написалъ его въ своемъ сердцѣ и постоянно сохранялъ его въ памяти, такъ какъ написано: *во оправданіихъ твоихъ научуся: не забуду словеса твоихъ*; и опять: *въ сердцѣ моемъ скрѣпѣхъ словеса твоя, яко да не согрѣшу тебѣ*; и опять: *въ часѣмъ исправитъ юнѣйшій путь свой? вѣгда сохранити словеса твоя* (Псал. схѣш, 16, 11, 9). Видишь ли, братъ, что человѣкъ исправляетъ свой путь, при памятованіи словъ Божіихъ? Кто въ самомъ дѣлѣ памятуетъ слово Божіе и не исправляетъ (пути), если не тотъ, ничего нестоющій и несчастный, кто не памятуетъ совершенно ни о чемъ, но даже забывается, о чемъ, по его мнѣнію, онъ памятуетъ? Такому человѣку Богъ говоритъ: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и восприемлещи заветъ мой усты твоими* (Псал. хлѣх, 16)? Итакъ, Онъ повелѣваетъ, чтобы было отнято отъ него и то, что, по его мнѣнію, у него есть (Мѣ. хх, 29); у него, по его мнѣнію, есть вѣра, онъ называетъ самого себя христіаниномъ, а на дѣлѣ отказывается, и хуже невѣрнаго. Потому, Онъ повелѣваетъ, чтобы отнять быть отъ него Духъ Святой, Котораго онъ получилъ въ день искупленія, Котораго, по его мнѣнію, онъ имѣетъ. И бываетъ такой человѣкъ, какъ винный горшокъ съ трещиною, и теряющій чрезъ нее вино; всѣ, видящіе его, не усмотрѣвъ происшедшаго, думаютъ, что онъ полонъ; а когда онъ будетъ изслѣдованъ, тогда становится явнымъ для всѣхъ, что онъ былъ пустъ. Такимъ ока-

жеться и такой человѣкъ, во время изслѣдованія его въ тотъ день суда; и тогда сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ то, что касается его. Будучи таковыми, они если и скажутъ въ тотъ день Царю: *Господи, не твоимъ ли именемъ силы многи сотвориломъ?* — то и Царь въ отвѣтъ скажетъ имъ: истинно говорю вамъ: не знаю васъ (Мѡ. ѳп, 22, 23). Видишь ли, братъ, что такой нисколько не получаетъ милости. Итакъ, памятуя о словахъ, которыя слушаешь, и исправляя свой путь. Смотри, не позволяй придти забвенію, и похитить его (слово) изъ твоего сердца; смотри, не позволяй налетѣть птицамъ, и поклевать сѣмя Божіе, — потому что Онъ самъ сказалъ, что сѣмя есть слово, которое вы услышали. Скрой сѣмя въ углубленіяхъ земли, то есть, скрой слово посреди своего сердца, чтобы оно принесло въ страхъ плодъ Господу. А когда будешь читать, читай старательно и напряженно, прочитывая стихъ со многою основательностію, и не старайся только перелистывать, но, если нужно, не лѣнься прочитать стихъ дважды, трижды и много разъ, чтобы понять силу его. А когда намѣреваешься сѣсть и читать, или, опять, послушать другого, читающаго, — помолись прежде всего Богу, говоря *: Господь, Иисусъ Христосъ, Богъ нашъ, раскрой уши и глаза моего сердца, чтобы мнѣ, Господи, слушать Твое слово, понимать и совершать Твою волю, такъ какъ *пришлецъ азъ есмь на земли: не скрый отъ мене заповѣди твоя: но отвори очи мои, и узрю чудеса отъ закона твоего* (Псал. сѳѳш, 19, 18). Боже мой, на Тебя надѣюсь, чтобы Ты просвѣтилъ мое сердце *). Право, прошу, братъ мой, такъ всегда молись Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ твой умъ, и сдѣлалъ для тебя ясною силу Его словъ. Многіе заблудились, слишкомъ понадѣявшись на свое пониманіе ихъ, и *слаболющіе быти мудри, обзюродѣша* (Рим. 1, 22), впади въ богохульство, не понимая написаннаго, и погибли. Итакъ, если, при своемъ чтеніи, найдешь слово непонятнымъ, — смотри, чтобы лукавый не научилъ тебя говорить въ самомъ себѣ, что не такъ, какъ говорить это слово, потому что, какъ можетъ быть такъ? и подобное; но, если вѣришь Богу, — вѣрь и словамъ Его, и говори лукавому: отойди отъ меня, сатана. Я знаю: *словеса Божія словеса чиста, сребро разжжено седмерицею* 941 (Псал. хі, 7); и (нѣтъ) въ нихъ ничего непрямого, ни запутаннаго, но все благо для понимающихъ; а я неразуменъ, и не понимаю; знаю, что они написаны духовно: и апостолъ говорить, что *законъ духовенъ есть* (Рим. ѳп, 14). Потомъ, посмотри на небо, и

*) Подъ звѣздочками краткая молитва, помѣщенная раньше, отдѣльно отъ контекста. См. стр. 424.

скажи: Господи; вѣрую въ Твои слова; не возражаю, но смѣло довѣряюсь словамъ Святого Духа. Ты, Господи, спаси меня, чтобы я нашелъ благодать предъ Тобою. Не ищу я чего-либо другого, кромѣ только своего спасенія, чтобы получить, милосердый, Твою милость, такъ какъ Твои суть царство и власть во вѣки. Аминь. Владѣй также, братъ, безмолвіемъ, какъ крѣпкою стѣною, потому что безмолвіе дѣлаетъ тебя выше страстей; ты воюешь сверху, а онъ снизу. Владѣй безмолвіемъ страха Божія, и всѣ стрѣлы врага не повредятъ тебѣ; безмолвіе, сопряженное со страхомъ Божиимъ, есть огненная колесница. Илія пророкъ пусть также убѣдитъ тебя (въ этомъ), — Илія возлюбившій безмолвіе и страхъ Божій, — и какъ взятый на небо? О, безмолвіе, преуспѣяніе монаховъ; о, безмолвіе, лѣстница на небо; о, безмолвіе, путь небеснаго царства; о, безмолвіе, мать раскаянія; о, безмолвіе, зеркало грѣховъ, показывающее человѣку прегрѣшенія его; о, безмолвіе, незадерживающее слезъ; о, безмолвіе, родительница кротости; о, безмолвіе, сожигатель смиренія; о, безмолвіе, сопряженное со страхомъ Божиимъ, — просвѣтитель ума; о, безмолвіе, соглядатай помышлений, и помощникъ въ сомнѣніи; о, безмолвіе, родительница всякаго блага, основаніе поста, и помѣха для прожорливости; о, безмолвіе, досугъ для молитвы и чтенія; о, безмолвіе, тишина помышлений, и ясная пристань; о, безмолвіе, беззаботность души; о, безмолвіе, полезное ярмо и бремя легкое, дающее отдыхъ и носящее носящаго тебя; о, безмолвіе, радость души и сердца; о, безмолвіе, узда для глазъ, слуха и языка; о, безмолвіе, уничтоженіе хвастливости, и врагъ безстыдства; о, безмолвіе, темница страстей; о, безмолвіе, помощникъ всякой добродѣтели, защитникъ бѣдности, страна Божія, приносящая добрые плоды; о, безмолвіе, стѣна и крѣпость желающимъ подвизаться для небеснаго царства! Право, братъ, владѣй этою прекрасною частью, которую избрала для себя Марія. Эта Марія, сѣвшая подлѣ ногъ Господа, и прилѣпившаяся только къ Нему, была примѣромъ безмолвія. Потому и Господь похвалитъ ее, говоря: *Марія благуу часть избра, яже не отымется отъ нея* (Лук. х, 42). Видишь ли, братъ, каково безмолвіе? (Оно таково) что самъ Владыка, нашъ Богъ, хвалитъ владѣющаго имъ. Владѣй имъ, братъ мой, и насладишься Своего Господа, сидя подлѣ Его ногъ и прилѣпляясь только къ Нему, 942 чтобы и ты открыто сказалъ: *приле душа моя по тебѣ: мене же пріять десница твоя* (Псал. lxxv, 9). Потому яко *отъ тука и масти да исполнится душа моя* (ст. 6). Право, братъ мой, владѣй имъ, — (оно) слаще меда. Лучше кусочекъ съ солью безмолвія и беззаботности, чѣмъ запасъ драгоценныхъ яствъ въ искушеніяхъ и

заботахъ. Слушай Владыку Бога, говорящаго: *приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѡ. хі, 28). Господь желаетъ дать тебѣ отдыхъ отъ заботъ, ярости, отъ искушенія и скорби этого вѣка; желаетъ, чтобы ты былъ свободенъ отъ египетскаго дѣланія кирпича; хочетъ ввести тебя въ пустыню, то есть, въ безмолвіе, чтобы освѣтить твой путь облачнымъ столпомъ, чтобы кормить тебя манною, — разумѣю именно хлѣбъ безмолвія и беззаботности, — чтобы дать тебѣ въ удѣлъ добрую землю, — разумѣю именно небесный Іерусалимъ. Право, возлюбленный, полюби его, владѣй имъ, чтобы тебѣ насладиться Божіихъ свидѣтельствъ во время твоего пути, какъ бы при всемъ богатствѣ. Право, братъ, владѣй безмолвіемъ со страхомъ Божіимъ, и Богъ мира будетъ съ тобою; Ему прилична слава во вѣки. Аминь. Итакъ, возлюбленные, прошу васъ Господомъ ежедневно стараться приводить себѣ это на память, — разумѣю именно надежду, вѣру, любовь, смиреніе, постоянное запечатлѣваніе себя молитвами Божіими, размышленіями о божественномъ Писаніи и безмолвіемъ. Это, когда имѣется и приумножается у васъ, не дѣлаетъ (васъ) праздными, ни безплодными въ познаніи Господа нашего, Іисуса Христа. Христіанинъ, который не владѣетъ этимъ, есть слѣпецъ, близорукъ, забываетъ о своихъ прежнихъ грѣхахъ; и съ нимъ происходитъ истинно по притчѣ: *песъ возвращающійся на свою блевотину; и: свинія омывшись, въ калъ тинный* (2 Петр. II, 22). Потому, (кто), удалившись отъ сквернъ міра, какъ написано, и отрекшись отъ этого во святой купели и, бывъ въ познаніи Господа нашего, Іисуса Христа, потомъ опять въ это впадаютъ, — для тѣхъ послѣднее бываетъ хуже перваго. Лучше было бы имъ не знать пути истины, чѣмъ, при знаніи, возвращаться опять назадъ. Итакъ, возлюбленные, вѣрные рабы и избранные воины Божіи, христіане, — возьмемъ въ наши сердца всеоружіе сказаннаго раньше, и неотложно каждый день будемъ приводить на память себѣ это, — чтобы мы могли подвигаться прекраснымъ подвигомъ, и попрасть всякую силу врага; чтобы мы были избавлены отъ гнѣва, приходящаго на сыновъ неповиновенія, и нашли бы милость и благодать въ страшный день предъ праведнымъ Судіею, воздающимъ каждому по его дѣламъ; Ему прилична слава, со Вседержителемъ Отцомъ и всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

святого Іоанна Златоуста, епископа константинопольскаго, о святомъ Григоріи Великомъ, Просвѣтителѣ, первосвященникѣ Бога нашего ¹⁾).

943 Какъ различны разнородные цвѣты, которые украшаются разноцвѣтными листьями въ глубокое весеннее время, такъ различна и изобильна похвала мужей, снабженныхъ божественными дарованіями, которыя недостаточно только глазами распознавать и замѣчать умомъ,—такъ какъ умъ для того замѣчаетъ и языкъ рассказываетъ, чтобы въ то же время возможно большому числу щедро раздавать.

Итакъ, вступая на цвѣтоносное поприще добродѣтели смѣлаго и потерпѣвшаго казн. мученика, блистающаго солнца и первосвященника, просвѣтителя великой Арменіи, простирая глаза ума на цвѣтоснаго, сверкающаго красотой,—не знаю, въ состояніи ли охватить то, что могъ бы прослѣдить въ умно распредѣленной похвалѣ; у меня есть желаніе все собрать, но опасаюсь, что очень многое отъ меня ускользнетъ.

Мнѣ кажется, тотъ блаженный заслуженно подобенъ пчелѣ, снабженной легкими крыльями. И, дѣйствительно, какъ дѣло пчелы достойно удивленія, такъ и добродѣтели святого Григорія увлекаютъ души; какъ (ее) никто не въ силахъ постигнуть словомъ или умомъ, въ ея изумительномъ трудѣ, такъ никому не удастся изложить въ похвалѣ и выдающіяся дарованія этого святого.

Какъ пчела, хотя кружится сама по себѣ по всѣмъ цвѣтамъ, чтобы ихъ обонять, однако не можетъ унести весь ихъ сокъ, по

¹⁾ Слово это извѣстно по тремъ армянскимъ проповѣдническимъ сборникамъ (А, В, С), т. назыв. *D-jarrintir*, изъ которыхъ одинъ относится къ 10—11 в. (В), другой—къ началу 15 в. (С) и третій—къ началу 16 в. (А). У насъ приведенъ заголовокъ по С (какъ у Мина); въ А и В онъ подробнѣе, и даетъ небольшую исторію этого слова. Такъ въ А читается: *Слово Іоанна Златоуста о жизни и мученіяхъ святого Григорія, патріарха великой Арменіи, сказанное въ Кокизѣ, который есть армянскій городъ (тамъ онъ пребылъ изгнанникомъ), по побужденію нѣкоего армянскаго епископа и учителя, который былъ родственникомъ святого Григорія и назывался Діоскоромъ, и по настоянію большаго собранія, которое было собрано въ Кокизѣ въ день праздника святого просвѣтителя въ восточныхъ странахъ. У Мина латинскій переводъ 1735 г.; съ него мы даемъ русскій. Можетъ быть святитель говорилъ нѣчто подобное, но это нѣчто искажено теперь вѣсками изъ жизни св. Григорія.*

нѣжности силѣ, и для этого беретъ съ собою просвѣчивающее въ срединѣ цвѣтовъ и весьма тонкое, чтобы собрать (это) своими крыльями и сдѣлать отсюда медовый сотъ,—такъ и я: соберу въ 944 умѣ и предложу въ словѣ, что могу охватить, чтобы пріятнымъ запахомъ освѣжить обоняніе совершающихъ священное таинство и сильно желающихъ слушать похвалу святому Григорию.

Какъ буду называть этого первосвященника, если не солнцемъ, восходящимъ въ восточныхъ предѣлахъ, блескъ лучей котораго простерся до греческаго народа? О, чудо! Если бы кто пожелалъ (имѣть) усаженный растеніями садъ, то прежде всего высѣкается терновникъ, выдергиваются вредные корни, и тотъ садъ насаждается безъ какой-либо трудности; но садъ великаго мученика и претерпѣвшаго казнь первосвященника произросъ посреди терновника, достигъ до неба и далъ ангельскіе цвѣты, листья которыхъ сверкали замѣчательными красками; не высѣканіемъ и изверженіемъ терновника, волчца и другихъ корневыхъ вредныхъ травъ, но измѣненіемъ ихъ въ благоухающіе цвѣты и плодовые деревья — онъ сдѣлалъ тернъ приносящимъ душистые плоды, далъ волчкамъ производить розы и замѣчательные съ благоухающимъ запахомъ цвѣты.

Провозглашаю счастливыми Рипоимію и Гаіанію, — онѣ, принявъ корень, откуда произошли отростки и распространились въ даль и ширь, пришли въ великую Арменію, которой ни малѣйшій уголокъ не былъ лишенъ покроя тѣхъ вѣтвей ¹⁾).

¹⁾ Это Слово не лишено своего интереса, если съ нимъ будутъ поставлены въ связь существенные факты изъ жизни св. Григорія. Мы беремъ ихъ изъ *Миней* митр. Димитрія Ростовскаго, именно за *сентябрь* (изд. въ Кіевѣ, 1837 г. 30 число. лл. *рк—рка*). Св. Григорій былъ сынъ Анака, вельможи при персидскомъ царѣ Артабанѣ. Этому царю убилъ узурпаторъ престола, Артасиръ. Тогда Курсаръ (отецъ Тиридата), армянскій царь, мстя за смерть Артабана, довелъ Артасира до крайности, отъ которой его избавилъ Анакъ. Онъ, притворившись нагнанникомъ, убилъ Курсара. Произошло поголовное истребленіе потомства съ той и другой стороны. Изъ потомства Анака уцѣлѣло только два грудныхъ младенца, изъ которыхъ одинъ былъ впоследствии христіаниномъ Григоріемъ, жившимъ нѣкоторое время въ г. Кесаріи каппадокійской, тамъ женившимся и овдовѣвшимъ. Изъ потомства Курсара былъ пощажень малолѣтній Тиридатъ, который былъ отправленъ въ Римъ. Впоследствии, на римской службѣ, Тиридатъ замѣчательно отличился въ войнѣ противъ готовъ, и въ награду получилъ армянскій престолъ; при немъ въ родѣ вельможи оказался Григорій. Тиридатъ — язычникъ долго уговаривалъ Григорія — христіанина отказаться отъ христіанства, но безуспѣшно. Послѣдовали страшныя мученія Григорія, закончившіяся вверженіемъ въ ровъ, куда бросали преступниковъ. Тамъ жизнь Григорія поддерживала одна вдова, бросавшая въ ровъ ежедневно по куску хлѣба. Между тѣмъ, въ это время римскій царь Діоклетианъ искалъ себѣ въ жены по всему царству первую красавицу. Такою ока-

О, чудо! Тѣлесный человѣкъ подобенъ безтѣлеснымъ сонмамъ; даже, если можно такъ сказать, предпочтительнѣе ангельскихъ 945 духовъ, такъ какъ ни тѣло ихъ, ни члены не подвержены мученію и боли, а онъ принялъ на себя боли и мученія, которыя перенесъ какъ бы тѣ, которые непричастны тѣлу.

Кромѣ того, есть много и другого въ томъ родѣ добродѣтелей. Я осмѣлился бы сказать, что онъ подобенъ Петру и Павлу. Какъ они возвратили великими усиліями и великою добродѣтелью западныя области отъ идолослуженія на путь, который ведетъ къ познанію Бога, такъ и блаженный Григорій просвѣтилъ проповѣдью восточныя страны. Онъ научилъ ихъ, что должно почитать Отца, Сына и Святого Духа, что нераздѣльное отъ Отца Слово приняло тѣло отъ Дѣвы, что совершенный Богъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и чрезъ рожденіе принялъ тѣло, непорочное и непричастное болѣзни.

Слово Божіе, говорилъ онъ,—что выше краснорѣчія—соединилось съ тѣломъ, жило среди людей, и отмѣнило чрезъ крещеніе обрѣзаніе, которому Оно подверглось. Преданъ за насъ Тотъ, который былъ нераздѣлимъ отъ лона Отца; вознесено на крестъ Слово и умерло, по человѣческой природѣ, но оставалось и пребываетъ безсмертнымъ, по божественности, которая въ Немъ была. Такъ какъ изъ двойной природы Онъ сдѣлался однимъ Христомъ, поэтому Онъ претерпѣлъ смерть тѣломъ, которое было соединено съ божествомъ. Плоть, которая перенесла мученія, была Богомъ, и было безсмертнымъ божество, которое одѣлось въ тѣло. Божество сдѣлало Богомъ плоть, и она была соединена со Словомъ такъ равномѣрно и прямо, что то, что умерло и было погребено за насъ, тоже воскресло по божеству и ниспровергло преисподнихъ. Это вы познавайте, этому поклоняйтесь, такъ какъ это—соединенное со Словомъ—есть Богъ надъ всѣми.

Таково ученіе, которымъ онъ наставлялъ тотъ гордый и выдающийся народъ.

зalasъ дивной красоты Рипсимія, христіанка—дѣвственница, жившая съ такими же, какъ она (около 37 чел.), подъ руководствомъ Гаіанн. Онъ всѣ бѣжали въ Арменію. Дюклетіанъ поручилъ Тиридату разыскать Рипсимію, и воспользоваться ею. Сестры были найдены и, послѣ непреклонной стойкости Рипсиміи, всѣ были страшно замучены. Но послѣ этого звѣрства, царь Тиридатъ и его соучастники впали въ нѣкоторое странное безуміе, и бѣгали по лѣсамъ, какъ звѣри. Вслѣдствіе видѣнія сестръ Тиридата, Григорій былъ извлеченъ изъ рва, исцѣлилъ безумствовавшихъ, а также прославилъ невинныхъ страдальцевъ. Наконецъ, Тиридатъ сталъ христіаниномъ, и Григорія послалъ въ Кесарію каппадокійскую къ архіеп. *Леонтію*, съ тѣмъ, чтобы Леонтія посвятилъ Григорія въ епископа. Григорій былъ епископомъ надъ Арменіей до 331 года

Онъ отдалъ таланты, ему повѣренныя, преумноженными. возвращая именно не два за одинъ, или четыре за два, или десять за пять, — но онъ приобрѣлъ міриады талантовъ, и потому услышалъ отъ Господа такія слова: *добръ, рабе благій и вѣрный, такъ какъ о малѣ до сихъ поръ былъ еси вѣренъ, надѣ многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Мѣ. ххiv, 23).

Украшая этого блаженнаго именемъ апостола, потому что онъ, на подобіе прочихъ апостоловъ, проповѣдывалъ истиннаго Бога, разрушилъ идоловъ и идольскіе храмы, научилъ поклоняться Богу неба и, по уничтоженіи суевѣрнаго богопочтенія твари, установилъ почитаніе творца твари.

Онъ съ пылкою ревностію научилъ Писанію, вдохновенному свыше; написалъ бесѣды, полныя мудрости, и наставлялъ много народовъ.

Для Григорія у меня имя новаго Даниїла. Какъ святой пророкъ перенесъ наказанія отъ вавилонскаго царя, и его отогналъ пасть въ пустынные мѣста, точно быка и подъ образомъ быка, такъ и молитвы Григорія возвратили непокорнаго истинѣ Тиридата, облеченнаго въ кабаній образъ, въ человѣческій образъ. Подлинно, у него была вѣра, укрѣпленная на надеждѣ, и цѣльная, какъ зерно горчицы, въ которомъ, чрезъ порчу, не можетъ возникнуть червь, ни уменьшить добротность зерна; поистинѣ, у него была вѣра столь крѣпкая, что онъ твердо надѣялся, что, о чемъ бы онъ ни попросилъ Бога, должно совершиться; и если бы онъ сказалъ горѣ: перенесись туда,—онъ считалъ бы за вѣрное, что она несомнѣнно должна перенестись. Слѣдовательно, не можетъ быть, чтобы онъ не вѣровалъ, что человѣкъ облеченный въ кабаній образъ можетъ быть возвращенъ въ прежній образъ.

Но я сильно уважаю этого дивнаго мужа, и по своей волѣ стремлюсь къ его похвалѣ; боюсь, конечно, что мое слово будетъ неравно похвалѣ такого мужа, однако не отступаю отъ намѣренія: надѣюсь, что слабость моихъ силъ будетъ побѣждена отваж- 946 ностію духа. Итакъ, предложу, что въ силахъ извлечь изъ того, въ чемъ обнаружилась десница Божія.

О, новое предвѣстіе! Солнце, Богомъ заключенное въ пространномъ небѣ, посылаетъ лучи сверху на землю; поистинѣ, этотъ святой мужъ простеръ свои лучи до верха небесъ, изъ глубокаго рва, въ которомъ удерживался. Ангелы и архангелы, внимая, объявляли его блаженнымъ, и служили ему, лежащему во рвѣ. Они видѣли въ водовмѣстилищѣ его тѣло, но на небесахъ сіяла его святость; тѣломъ на небѣ, ангеломъ на землѣ; имѣя тѣло, казался безъ тѣла; небесный человѣкъ, земной ангель, огненный столбъ съ неба, голова котораго касалась земли,—про-

свѣтитель Арменіи, непоколебимое основаніе грековъ (малой Арменіи), апостолъ Христовъ, предвѣщающій путь людямъ.

Прежде всего называю блаженною тебя, о, Кесарія каппадокійская, такъ какъ отъ тебя принялъ возложеніе рукъ пастырь многихъ народовъ. Посвященный и посвятившій сіяли тогда однимъ и тѣмъ же блескомъ добродѣтели.

Эти (каппадокійцы) были уже основаны на крѣпкихъ корняхъ: и только одинъ онъ имѣлъ свой корень, откуда другіе, непричастные къ корню, получили свой. Тамъ собиралось много плодовъ работниками, которые воздѣлывали нѣкогда невоздѣланное; только онъ самъ, работникъ, держа одною рукою рукоятку плуга, (другою) умягчалъ словомъ истины многія невоздѣланныя земли. Когда однимъ сошникомъ открывалъ безчисленные борода, онъ обратно получилъ сѣмя самъ-пять и много плодовъ: и держа въ горсти божественное сѣмя, онъ засѣвалъ весьма много полей, разсѣвая перстами безконечныя зерна. Тогда въ бородахъ, прорѣзанныхъ одною рукою, произрастали въ одно время плоды, посѣянные другою рукою.

Тамъ можно было видѣть осень и весну, жатву и время молотбы; и когда приближалась зима, онъ посѣвалъ единственное сѣмя, именно слово Божіе. Но вотъ, замѣчая различныя плоды, которые отсюда рождались, онъ, во время жатвы, собиралъ на гумно то зрѣлыя (плоды), то жирныя отъ зрѣлости, молотилъ, очищалъ вѣялкой и складывалъ въ кучи, чтобы ихъ отсюда отнести въ житницы свѣта.

Что же (значить), что зима (Арменія) свергла самого сѣятеля между ядовитыми пресмыкающимися, принявъ отъ цвѣтнхъ сѣмянъ вѣры, которымъ не позволяла расти вслѣдствіе льда невѣрія?

Люди, у которыхъ были общія съ тѣмъ святымъ рѣчь и лицо, облекались въ нравы змѣй; и, наоборотъ, смертельныя и ядовитыя драконы принимали нравы кроткихъ людей, и служили ему, облизывая ноги святого тѣмъ же ртомъ, которымъ приносили смерть.

Что далѣе? Долго тянулось время зимы, и армяне думали, что погибъ сѣятель, подобно сѣмени, которое посѣяно во время жестокаго льда. Открывается ровъ: искали обезображенныхъ частей человѣка, но слышатъ стройное пѣніе многихъ голосовъ; боялись, что въ ихъ ноздри войдетъ гадкій запахъ отъ драконовъ и змѣй, но отсюда вѣетъ пріятный запахъ, какъ отъ сада удовольствія; искали глазами костей, подвергшихся гніенію, но въ лицѣ его созерцаютъ сіяющее солнце; рассчитывали на бездыханнаго во рву, но видятъ его прохаживающимся какъ бы въ

святѣишемъ храмѣ; искали частей (тѣла), изможденныхъ голодомъ, но замѣчаютъ здороваго и упитаннаго небесною пищею: искали тѣла, раздробленнаго зубами драконовъ, но удивляются прирученными имъ змѣямъ, — презрители видятъ, что они презрѣны тѣмъ, котораго презрѣли.

Пораженные стыдомъ, они краснѣли, и, объятые ужасомъ, восклицали: великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ великій Григорій. Наше оружіе обезсилено тѣмъ, котораго мы считали обезсиленнымъ ядовитыми драконами. Если бы не было драконовъ, тѣло истощилось бы только чрезъ одинъ голодъ, (тѣло), которое никакой смертный не могъ извлечь отсюда. Поистинѣ, дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ,—говорили они, по мысли пророка Давида: Онъ прославляетъ Своихъ прославителей. Они до крайности ⁹⁴⁷ стыдились за свой проступокъ, и говорили: этотъ, ввергнутый нами въ ровъ и мракъ, какъ солнце возсіялъ для насъ, бывшихъ, поистинѣ, сынами мрака, и, выводя насъ изъ мрака, сдѣлать сынами свѣта. Онъ былъ наученъ великимъ пастыремъ овецъ, молившимся за истязателей; мы были его истязателями, когда онъ ввергался въ ровъ; но онъ, сіяющій просвѣтитель, облекъ насъ въ одежду свѣта, и дивно направилъ наши ноги на путь мира. Мы были его палачами, а онъ заботливымъ о насъ пастыремъ; онъ милосердый отецъ, мы сыны непокорные отцу, даже отцеубійцы; онъ былъ окруженъ божественнымъ валомъ, чтобы пращею прогнать отъ овчарни опустошительнаго волка, а мы, въ блужданіи, послѣдовали за истребителемъ — волкомъ, котораго онъ ранилъ, ниспровергъ и погубилъ навѣки; онъ лучший пастырь, мы непокорное и покидающее хлѣвъ стадо; онъ врачъ, а мы, больные, устремились на врачевавшаго насъ, чтобы умертвить пока тѣло, такъ какъ невозможно (умертвить) его безсмертнаго по душѣ. Онъ предшествовалъ намъ, и исторгалъ тернія на пути, который ведетъ къ познанію Бога, а мы, слѣпые и безпечные, упали въ ровъ гибели, и, лишенные обоихъ глазъ, поразили и ввергли нашего пастыря въ глубокій ровъ, и ничего не поняли, оставаясь при своей слѣпотѣ. Онъ былъ свѣтящимъ свѣтильникомъ, а мы, сидя во мракѣ, не шли по яркому блеску его слѣдовъ; онъ былъ рабомъ Бога, а что мы называли богами, было тварію раба людей; потому, онъ, рабъ Божій, отвергъ боговъ, которыхъ мы почитали.

Наши сердца были ослѣплены, и мы не понимали, такъ какъ схватили его и ввергли въ глубокую пропасть; и теперь видимъ, что глубины земли держатъ въ себѣ солнце, которое намъ сіяло. Мы думали, что тѣло нашего заботливаго учителя будетъ добычею звѣрей, но видимъ, что оно обслуживается змѣями и дра-

конами, подобно (тѣлу) вновь созданнаго Адама, которому, до перваго преступленія, змѣи и василиски не имѣли никакой власти причинить вредъ; а мы, послѣдовавшіе двоедушію ада, презираемся звѣрями. Мы отдали драконамъ власть противъ начальника нашей вѣры, но видимъ ослабленную силу ихъ: они, какъ голуби, тихо сѣтовали, и своими языками, которымъ дано было злоумышлять противъ пята за двоедушіе ада, ласкались къ невинному ученику Христову.

Слѣдовательно, что мы скажемъ? Или какъ осмѣлимся открыть наши глаза, чтобы взглянуть и смотрѣть на нашего милосердаго отца, чтобы вымаливать у него прощенье,—мы, въ ярости причинившіе ему безчисленныя оскорбленія? Но такъ какъ въ его сердцѣ не было никакой вражды, то довѣримся (ему), прибѣгнемъ къ устью рва, и здѣсь скажемъ: выйди, рабъ Божій, подчини себѣ своихъ рабовъ, принявшихъ противъ тебя власть отъ того, котораго ты сокрушалъ въ безднѣ, когда спускался въ глубокий ровъ, — и, какъ ты наставленъ Учителемъ своимъ, подобно этому сдѣлай и съ своими учениками.

Добрый учитель, всходи въ Арменію, къ намъ, видѣвшимъ вторично вавилонское (дѣло). Такъ какъ, вмѣсто печи, мы воспламенили ровъ, въ который впустили ядовитыхъ драконовъ, намѣсто горящаго огня, — твои добродѣтели изсушали ихъ ядъ, по образу росы; ты вступалъ въ смертоносное пламя змѣи и василисковъ, попиралъ ногами дышущихъ огнемъ драконовъ, и казался вновь Ананіей, Азаріей и Мисаиломъ, когда чтилъ нераздѣльную Троицу, Которой мы не вѣровали. Теперь, съ царемъ вавилонянъ, Навуходоносоромъ, вѣруемъ и прославляемъ, такъ какъ замѣчаемъ божественную росу посреди печи.

Выйди, рабъ небснаго Бога; чрезъ тебя мы увѣровали и исповѣдуемъ Отца, Сына и Святого Духа; выходи изъ своего рва, и прославляй Того, Кто прославилъ прославляющаго Его, и доставилъ тебѣ величайшую честь. Возвысь свой божественный голосъ, и говори: почитайте Бога, Котораго я свободно проповѣ-
943 далъ; Онъ есть творецъ всего,—сохранившій меня невредимымъ отъ гибельныхъ драконовъ.

Выходи, новый Даніиль, и покажись невиннымъ царю Вавилона, то есть, Арменіи,—ты, который былъ брошенъ въ водовмѣстилище, не между двумя львами, но, что больше, между свирѣпѣйшими чудовищами. Какой бы звѣрь ни сокрушилъ частей (тѣла), однако можетъ случиться, что кто-либо возвратится когда-нибудь къ здоровью; но ядовитые и гибельные драконы не сокрушаютъ тѣла и не калѣчатъ, а приносятъ невидимую смерть уколомъ, подобно нѣкоторой иголкѣ. Ты же вышелъ невредимымъ, и не будешь погубленъ ими.

Таково все то, что имъ, можетъ быть, было естественно говорить святому; а мы будемъ продолжать похвалу, говоря о причинѣ его мученій.

Царь Тиридатъ былъ въ ярости за умерщвление своего родителя, и, потому, мучилъ Григорія жесточайшими истязаніями и пытками, побоями и желѣзными гребнями, при сдавливаніи тѣла между кольями, и всякимъ родомъ ужасныхъ мученій, которыя изобрѣтала ярость. Святой мученикъ, добровольно перелюбя ихъ, по любви къ Господу нашему, Иисусу Христу, такъ говорилъ палачамъ: мученіями и пытками истязуюсь отъ васъ, возлюбившихъ плотское и властвующихъ въ этой жизни, которая подобна сну, завтра исчезнетъ,—(отъ васъ), отказывающихся отъ надежды на безсмертную жизнь; но я временно терплю за Того, Кто за меня претерпѣлъ истязанія; къ тому же открыта безсмертная жизнь, и наслажденіе большее, чѣмъ (наслажденіе) рая, дышащаго пріятными запахами; туда войду, и сдѣлаюсь наслѣдникомъ его навѣки. Исполнившись радости, считаю благодѣяніемъ мученія, которыя мнѣ доставляете, думая, что они вредятъ мнѣ. Сколько вы ни будете терзать мгновенною болью, между кольями, мои члены и кости, однако отсюда выйду здоровымъ, волосомъ, и взойду предъ Творца моего, какъ бы пальма, опирающаяся на крѣпкіе корни, со многими длинными и широкими вѣтвями, красивая листьями, изящная цвѣтами, которыми никогда не придется завянуть, — и радостно буду сіять зеленою и густою въ саду, насажденномъ рукою Бога. Хотя орудіями муки жестоко буду повѣшенъ внизъ головою, и буду раздробленъ между кольями, однако довѣряюсь будущему, что вознесу голову до неба, предъ моего Творца, послѣ незначительнаго промежутка боли. Хотя буду брошенъ звѣрямъ и медвѣдямъ, въ качествѣ орудій муки, и ими мое тѣло уничтожится,—имѣю увѣренность, что ими сплетены для меня золотая діадема и украшенный вѣнецъ, который возложить на мою голову небесный Царь, когда застѣ мнѣ сидѣть надъ чертогомъ невѣсты. Что бы ни было, эта кровь, текущая изъ моего тѣла, окрашиваетъ мнѣ одежду безсмертія въ багряный и алый цвѣтъ,—(одежду), которая не увянетъ во вѣки. Таково все, что прилично было отвѣчать для мученика.

Что послѣ? Тиридатъ, сколько бы ни держалъ связаннаго и мучимаго Григорія, еще не насытился своею лютостію, и говорить,—какъ будто у него мученія имѣли связь съ тѣмъ, что было раньше: дѣйствительно, онъ—сынъ Анана, изъ рода паравянъ, который умертвилъ моего отца, Хозроя. И повелѣваетъ Тиридатъ отвести Григорія, связаннаго по ногамъ и связаннаго по

рукамъ и шеѣ, въ крѣпость Араратской провинціи ¹⁾, и тамъ низвергнуть въ глубокой ровъ.

О, безумный, — говорилъ, можетъ быть, святой Григорій, — если мой отецъ напалъ съ мечомъ на твоего нечестиваго отца, —
 949 онъ не только убить, и оставилъ преходящее, что считалъ жизнью, но его даже душа подверглась также мученіямъ, въ которыхъ онъ не умереть. Ты, сынъ нечестиваго родителя, когда подвергалъ меня наказанію въ отмщеніе за своего отца, не побуждалъ меня своими мученіями, такъ какъ было необходимо, чтобы мое тѣло сохранялось невредимымъ; но я мучить твою душу вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ невидимымъ мученіемъ, чтобы ты, сокрушенный наконецъ, поклонялся моему Богу. Повелѣваешь, чтобы я былъ мучимъ предъ твоими глазами; но ты самъ мучаешься, въ присутствіи моемъ или отсутствіи, и не понимаешь, что Царь мой требуетъ отъ тебя такимъ образомъ возмездія, и тебѣ готовится отъ Него тотъ истязатель на вѣки, котораго считаешь для себя другомъ.

Это и много иного было у блаженнаго, что онъ могъ говорить Царю. Отсюда намъ нужно спѣшить къ кладезному рву, чтобы видѣть, какія тамъ совершаются чудеса. Ввергаютъ его въ ровъ, который былъ логовищемъ змѣй. Но что говорилъ кладезъ? Благословенъ твой приходъ, о, дивный отецъ! Они приготовили изъ меня глубочайшій ровъ мученій, подобный мрачной безднѣ, но вотъ твой творецъ дѣлаетъ, что для тебя я дѣлаюсь садомъ, усыяннымъ цвѣтами. Я былъ жилищемъ мрака, но вотъ для тебя сдѣланъ храмъ свѣта. По имени зовусь глубокой бездною, а въ дѣйствительности касаюсь, возвышенный тобою, превысокаго неба, и въ себѣ содержи скатившееся съ неба свѣтлое солнце, которое освѣщаетъ армянскій народъ. Многіе, ввергнутые въ меня, уничтожались мерзкимъ запахомъ грязи, и сокрушали я ихъ плоть и кости медленнымъ голодомъ; я издавалъ отвратительный и невыносимый запахъ, и затруднялъ ихъ обоняніе; но чрезъ тебя кажусь теперь садомъ, украшеннымъ цвѣтами, и пріятными розовыми кустами съ цвѣтами, которые дышатъ разнообразно благоухающимъ запахомъ.

Что же буду говорить о гибельныхъ по яду драконахъ, которые тамъ жили? Какъ только они увидѣли святого Григорія ввергнутымъ въ ровъ, ищутъ въ себѣ своего обычнаго перваго природнаго свойства, обращаютъ вниманіе на серафимовъ, носив-

¹⁾ Въ крѣпость *Артаксату*, отстоявшую отъ столицы *Vaghrarchabat* въ 30 льѣ къ востоку (около 12 верстъ, такъ какъ *lieue* — *leuca* = 1500 рим. шагамъ). См. прим. у Миня.

пихъ его на своихъ крыльяхъ, чтобы не было для него опасности,—удивляются, пораженные страхомъ, и говорятъ: мы потомство того змѣя, который обольстилъ чрезъ съѣденный плодъ Еву, и сдѣлалъ ее изгнанницей и низверженной изъ рая наслажденія; а ты сѣмя Адама и потомокъ Евы, принявшихъ то проклятіе, по которому бы земля производила тернія и волчцы, — тебѣ повелѣно подстергать нашу голову, и намъ твою пята. Итакъ, согласно той заповѣди, мы прыгали, чтобы насытить свою ненависть къ тебѣ, вложенную природою; но, когда замѣтили безтѣлесное воинство около твоего тѣла, и увидѣли тебя поставленнымъ между ангельскими хорами,—тогда наше нападеніе было обезсилено, такъ какъ и жала наши притупились; и, какъ воскъ плавится отъ лица огня, такъ наши зубы съ ихъ ядомъ расплавлены твоимъ божественнымъ лицомъ. Нашъ ядъ, который причинялъ воспаленныя опухоли на тѣлѣ вѣншихъ, погашенъ источникомъ твоихъ молитвъ, льющихся отъ Бога, и оцѣпенѣлъ на подобіе холодной воды; но тѣмъ менѣе мы побѣдимъ отъ твоего лица; мы пришли для служенія приручившему свирѣпость нашей природы, о которой мы забыли, и будемъ, подобно голубямъ, и въ тишинѣ, находиться въ твоемъ домѣ, не страшась сверкающаго, какъ пламя, твоего лица.

Я очень удивляюсь, что Григорій тамъ прожилъ въ продолженіе четырнадцати годовъ. Но поспѣвшимъ къ тому, что произошло по окончаніи столькихъ годовъ.

Когда царь (Тиридатъ) назначилъ часъ охоты на звѣрей, и уже всходилъ на повозку, чтобы выѣхать изъ города ¹⁾, бичъ божественнаго гнѣва, ниспосланный свыше, обрушился на него. Восхищенный самимъ демономъ, онъ стремглавъ несется съ повозки, и начинаетъ въ ярости терзать (свое) тѣло. Онъ, какъ бы второй царь вавилонянъ, Навуходоносоръ, въ забвеніи человѣческой природы, вращался, подобный вепрю, между вепрями, и питался съ этихъ поръ зеленью. Вотъ какія тогда совершались чудеса.

Что же должно было сказать царю? О, царь! Ты выпучивалъ раба Божія, слѣдуя по стопамъ сатаны; потому и онъ, которому ты служилъ, мучаетъ и истязуетъ тебя, по повелѣнію истиннаго Бога, чтимаго великимъ Григоріемъ. Для тебя сдѣлалось ничтожнымъ тѣло блаженнаго, котораго, послѣ мученій, ты ввергъ въ темницу и глубокой ровъ; и потому видишь свое тѣло замѣненнымъ въ тѣло вепря. Такъ какъ ты потерялъ разумъ до

¹⁾ Тогда столицей Арменіи былъ *Vaghrarchabat*; теперь отчасти на его развалинахъ *Эмидзкинз*. Прим. у Миня.

того нечестиво, что шель противъ истиннаго Бога, когда подвергалъ истязанію вѣрнаго раба, то и тебѣ позволено позаботиться о себѣ, по тягчайшему твоему удару, и чтобы, вслѣдствіе образа вепря, въ который облеченъ, ты попрасть сатану ногами, поправшаго тебя, послѣ того какъ замѣнишь свой щетинистый покровъ кожею Адама. Такъ какъ ты доставилъ, проворнымъ языкомъ, ядъ злословія тому святому, потому говори звѣринымъ своимъ языкомъ: согрѣшилъ я предъ Господомъ. Такъ какъ ты поднималъ гордую голову противъ святого мученика, потому опускай свою мерзкую кабанью голову, которая съ радостію катается въ зловонной грязи. Такъ какъ ты произвольно мучилъ его разнообразными пытками, и повелѣвалъ связывать руки, ноги и шею своего господина и своего учителя, потому складывай, измѣнивъ въ переднія ноги вепря, свои руки, чтобы лежать возлѣ ногъ того мученика. Да не будетъ скрыто отъ тебя, лишившагося употребленія разума, что уже пятнадцатый годъ, какъ пользуется жизнью тотъ погребенный, котораго ты считалъ, пока былъ причастенъ разуму, мертвымъ, котораго будто бы только кости уцѣлѣли.

Но такъ какъ, пока ты казался подъ человѣческимъ образомъ, стремительно ввергъ его въ смертоносный ровъ, потому устремись въ кабаньемъ образѣ къ устью рва, взывай къ тому, котораго считалъ уничтоженнымъ, къ своему врачу, чтобы онъ самъ возстановилъ тебѣ прежнее тѣло. И такъ какъ, сидя на повозкѣ, ты презиралъ Григорія, укрытаго самимъ Богомъ,—иди, бѣги, скачи на четырехъ ногахъ, по образу вепря, къ устью рва, и взывай тамъ: выйди, рабъ высочайшаго Бога!

Таково, что нужно было, или прилично было говорить въ то время; но замѣьте, что дѣйствительно потомъ случилось.

Сестра царя ¹⁾, подкрѣпленная небеснымъ видѣніемъ, услышала эти, или подобныя слова: врачи человѣческіе, напрасно стараетесь; не вашего искусства дѣло найти средство противъ неизлѣчимой болѣзни; помощь доставить только Григорій великій, который посланъ отъ Бога къ вамъ врачомъ, и которому вы предложили выпить чашу смерти; Я Богъ раба моего Григорія, котораго вы приговорили къ смерти за множество вашихъ боговъ. Я сдѣлаю его для васъ врачомъ, который исцѣлитъ васъ, и, при его помощи, оставятъ васъ бѣдствія, заслуженныя вами.

Но, вотъ, удивленная женщина, по имени Хозровидухитъ, рассказала, какъ можно скорѣе, видѣніе, которое ей было: я уви-

¹⁾ Имя ея: *Xosrovidoukhit*; соблюдала дѣвство, и была христіанка. Прим. у Миня.

дѣла, говорила она, блистающаго свѣтомъ мужа, который явился мнѣ въ видѣніи, и такъ сказать: нѣтъ никакого иного средства противъ бѣдствій, которыя васъ постигли, какъ то, чтобы вы отправились въ Артаксату, и тамъ вывели связаннаго Григорія изъ глубокаго рва; онъ, придя, принесетъ вамъ спасительное средство.

Но люди, когда услышали ее, хохочутъ и издѣваются надъ нею. Что говоришь? говорили они; демонъ, дѣйствительно, тебя подстрекнулъ, и потому ты сдѣлалась безумною. Какъ можетъ случиться, чтобы говорилъ, или открывалъ средство оздоровленія тотъ, котораго даже кости сгнили? Развѣ могъ онъ выйти изъ бездны рва,—онъ не то что избѣжать жала змѣй, но не могъ даже убѣжать отъ вида ихъ. Онъ былъ немедленно умерщвленъ, въ тотъ же самый часъ, въ который былъ ввергнутъ въ ровъ,—и мы убѣждены, что въ концѣ пятнадцати годовъ кости его не только сгнили, но обратились въ прахъ. Отойди, не говори ни- 351 кому, чтобы твои рѣчи не возбуждали смѣха.

Что тогда? Она повѣрила ихъ словамъ, ушла домой и замолчала. Такъ какъ уже давно вдова не заботилась доставлять хлѣбъ, о которомъ ей было приказано, — ежедневно бросалъ въ ровъ ¹⁾).

Едва прошло нѣсколько дней, когда не разъ и два, но являлось ей видѣніе пять разъ, и ангелъ сказалъ великимъ и грознымъ голосомъ: если не объявишь возможно скорѣе... не бойся, что они примутъ тебя съ насмѣшками, и пусть не считаютъ невозможнымъ, что онъ остался живъ въ продолженіе пятнадцати годовъ; былъ посланъ ангелъ Божій, который ему служилъ. Я принимаю хлѣбъ, который, какъ Іаіи, такъ доставлялъ и Григорію,—тому въ пустынѣ, этому, имѣвшему въ себѣ добродѣтель замѣсто свѣтлаго солнца, въ безднѣ земли. Въ прежнемъ, что я тебѣ возвѣщала, ты усомнилась, по невѣрности людей, но теперь вѣрь моимъ словамъ; у Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Развѣ ты не научена, какъ былъ освобожденъ Даниилъ изъ водовмѣстница и изъ среды львовъ, свирѣпыхъ отъ голода? Или какъ три отрока остались невредимыми въ горящемъ пламени, высота котораго начерчивала святыхъ сорокъ девять дней поста?

Ужели тебѣ неизвѣстно, какъ, чрезъ соблюдавшаго божественныя заповѣди Езекиля, сухія кости, по повелѣнію Божию, были приведены на полѣ въ движеніе вѣтрами четырехъ странъ, и приближались одна къ другой, не случайно, но каждая въ свою связь? Поверхъ ихъ протянулись жилы и кожа, вдохнуть въ эти мертвыя (жилы и кожу) духъ жизни: *сташа на ногахъ*

¹⁾ Здѣсь очевидно неполный или поврежденный текстъ.

своихъ, соборъ много зѣло (Езек. xxxvii, 8, 10). Все еще Тотъ есть Богъ, Котораго проповѣдуетъ Григорій, и Который въ силѣ соблюдать его во рву. А ты вѣрь моимъ рѣчамъ, и объяви ихъ народу.

Женщина, пораженная удивленіемъ и вмѣстѣ страхомъ, поспѣшно входя, рассказываетъ начальникамъ, которые приглашаютъ начальника царскаго дома, и немедленно посылаютъ (его) въ Артаксату. Иди, говорятъ, и умолай того самаго мужа Божія, котораго мы не считали человѣкомъ; отправляйся, проси врача, словъ котораго мы не слушали; спѣши, зови того, который вызоветъ насъ изъ чрева ада; спѣши и смиренно проси того, котораго мы влачили съ безчестіемъ, — чтобы онъ простилъ гонителямъ.

У нихъ было наготовѣ все это, или, можетъ быть, даже больше этого, что они говорили.

Начальникъ царскаго дома отправляется, и, когда пришелъ въ городъ, граждане старались разузнать отъ него причину путешествія; когда она была узнана, съ удивленіемъ и изумленно разсуждали между собою: какъ можетъ быть, говорили они, что онъ ищетъ въ живыхъ того, котораго кости уничтожены тлѣніемъ, за пятнадцать годовъ съ тѣхъ поръ? Какъ ты спрашиваешь о невредимомъ тѣлѣ, которое, истребленное, стало навозомъ во внутренностяхъ драконовъ, и обратилось въ прахъ? Какъ они ищутъ врачества отъ тѣла, возвращеннаго въ землю, которое себѣ самому не могло доставить спасенія?

Что еще? Приготовляютъ толстыя, длинныя и крѣпкія веревки, и опускаютъ въ ровъ. Начальникъ царскаго дома взываетъ великимъ голосомъ: выйди, рабъ Божій, и освободи насъ изъ рукъ боговъ, которыхъ мы почитаемъ; выйди, сынъ свѣта, и извлеки насъ изъ мрака; выйди изъ глубины бездны, солнце, и доставляй намъ свѣтъ большій, чѣмъ солнце, которое вращается надъ воздухомъ; оно доставляетъ свѣтъ тѣлеснымъ глазамъ, а ты обливаешь свѣтомъ глаза нашихъ душъ, и выводишь (насъ) на землю правую, которая есть непрестанный и непреступный свѣтъ. Такъ говорилъ начальникъ.

Но одновременно, какъ замѣтили, по опущеніи веревокъ, что святой сѣлъ на веревкахъ, они извлекаютъ его вонъ. Тогда онъ явился солнцемъ, покрытымъ облаками, такъ какъ тѣло его было черно, какъ бы темная сажа; и отсюда они поняли, что (это) то тѣло, которое переносило мученія, и которымъ онъ страдалъ и сіялъ, какъ бы безъ тѣла. Потомъ они его одѣваютъ принесенными одеждами.

и прилично было восклицать съ премудрымъ: *тогда станеть въ дерзновеніи мнози праведникъ* предъ тѣми, которые поразили его и которые презирали *труды его. Видящии его смятутся, и весьма ужаснутся о преславнои спасеніи его* (Прем. γ, 1, 2).

Но мы послѣдуемъ слогомъ похвалы за тѣмъ, что случилось потомъ сряду.

Царь и всѣ, которые были съ нимъ.. въ восторгѣ, вышли на встрѣчу къ выходящему изъ рва обнаженными и обезображенными, и ожидали, стоя вдали отъ города. Но, когда издали усмотрѣли приходящаго, начали съ яростію терзать свою плоть, восклицать и говорить: приходи, ангель, пребывающій въ тѣлѣ, и изгоняй помощью своего свѣта друзей мрака, которые насъ преслѣдуютъ; приходи, расточитель тѣхъ, которые надъ нами господствуютъ, и которые огорчали наши гордые сердца, чтобы мы мучили мучившаго ихъ; приходи, ты, видимый тѣломъ, чтобы прогонять невидимый мракъ нашихъ умовъ; приходи, ты, одѣтый въ кожанную и вещественную одежду, чтобы преслѣдовать не-вещественныхъ и безтѣлесныхъ нашихъ враговъ, которые насъ преслѣдуютъ; приходи, солнце, и засушай своимъ пылкимъ зноемъ изобильный потокъ нашего нечестія. Употребляй огонь своего божественнаго ученія, который возвратитъ къ зною насъ, погруженныхъ въ болотѣ, сгущенномъ морозомъ. Приходи, божественная рѣка, и орошай наши безплодные поля, чтобы, зеленѣя, вновь расцвѣло изсохшее сѣмя, которое въ насъ зашло отъ тебя. Пожинай божественнымъ серпомъ посѣвы, которые, благодаря тебѣ, стали зрѣть; молоти быками, которые суть твои сыновья, или бичемъ, который есть твой языкъ; и провѣй ихъ тѣмъ же своимъ языкомъ; собери своею божественною рукою въ кучи, которыя отнесешь также въ божественныя житницы. Приходи, ты, посланный съ неба, и сожигай блистающими углями своего ученія иглы волчцовъ, задушившія сѣмя твоихъ трудовъ. Выходи, служитель Божій, изъ глубокаго рва, распространившій свѣтъ своего ученія изъ бездны вверхъ; выходи, и возбуждай на адскій ледъ тихо дышащій южный вѣтеръ. Тебѣ уже позволено обрабатывать божественнымъ плугомъ землю, воздѣлывать которую прежде мы не позволяли, особенно когда безжалостно ввергли свѣтлое солнце въ мракъ, какъ бы въ темницу.

Уже, конечно, я не въ состояніи изложить въ похвальномъ словѣ похвалы блаженнаго за его заслуги, хотя это желательно для меня больше всего. Итакъ скажу, насколько можно короче, то, что съ нимъ, дѣйствительно, послѣдовало затѣмъ.

Творецъ такъ сказалъ Своему вѣрному рабу: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, нисколько не тревожься о своемъ бросаніи

сѣмени въ землю: ты, второй Павелъ, насадилъ, а Я дамъ возра-
 станіе. Приди, войди въ радость своего Господа. Не бойся, второй
 Моисей, что только теперь повѣрили тебѣ народы, потому что ты
 возлюбилъ Меня болѣе, чѣмъ свое тѣло. Приди, успокойся отъ
 своихъ трудовъ, новый Даніилъ; войди въ брачный чертогъ, ко-
 торый Я общалъ тебѣ прежде. Приди, займи сѣдалище между
 апостолами, второй апостолъ, возвѣстившій слово истины гор-
 дому народу; ты помѣстишься въ сонмѣ ангеловъ,—ты, соревно-
 вавшій ихъ жизни на землѣ. Приди, и будь главнѣйшимъ съ
 патриархами; ты будешь насажденъ въ святомъ домѣ Господа,
 какъ пальма, и будешь цвѣсти во входѣ къ Богу. Приди, ты бу-
 дешь увѣнчанъ съ мучениками, и будешь радоваться съ претер-
 пѣвшими за Меня мученія; приди во дворецъ Моего брака.
 Приди, ты возвеселишься радостію въ сонмѣ монаховъ,—ты, ко-
 торый не только возлюбилъ горы и пустыни, но былъ даже по-
 стоянно пригвожденъ со Мною ко кресту; потому Я пошлю къ
 тебѣ сонмы Своихъ ангеловъ, и возьму тебя къ Себѣ. И такъ,
 какъ ты постоянно несъ свой крестъ и шелъ за Мною,—Я введу
 тебя въ рай, въ который вошелъ разбойникъ чрезъ свой крестъ.
 Блаженъ ты, отецъ святой, между патриархами Церкви. Нѣкогда
 ангеломъ въ тѣлѣ, теперь ты возвращаешься безтѣлеснымъ между
 безтѣлесными. Блаженъ ты, лучшій начальникъ, который оты-
 скалъ погибшихъ овецъ своего Царя и бывшихъ въ хлѣва,—при-
 вель и собралъ въ преддверіи Его. Блаженъ ты, который пре-
 953 кратилъ удаленіе (овецъ) волками, и уничтожилъ звѣрей—убійцъ,
 который, по силѣ того самаго камня, отсѣченнаго отъ горы безъ
 рукъ (Дан. II, 34), окружилъ стѣною овчарню своего стада и
 опоясалъ ее изгородью божественныхъ заповѣдей, и который сдѣ-
 лалъ, чтобы умножались овцы Царя его. Блаженъ ты, называю-
 щійся именемъ апостола, такъ какъ проповѣдалъ Евангеліе Сына
 Божія, въ тайнѣ воплощенія наставилъ чуждый (Христу) народъ,
 который поклонился, чрезъ твое обученіе, нераздѣльной Троицѣ
 Отца, Сына и Святого Духа, и одному Божеству. Блаженъ ты.
 954 вѣрный мученикъ Христовъ, засвидѣтельствовавшій, какъ бы
 Петръ, о Немъ, утверждая, что Онъ есть Сынъ Бога живого, не-
 раздѣльный отъ лона Отца; блаженъ ты, принявшій на себя му-
 ченія за Того, Который претерпѣлъ за тебя пытки; блаженъ ты,
 наконецъ, который въ терпѣніи жилъ во рву въ теченіе пят-
 надцати годовъ. Возвышаю также похвалами Святого Духа, о
 Которомъ ты проповѣдывалъ, что Онъ того же существа съ От-
 цомъ и Сыномъ; Ему честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.